

Станься
ЕДИНСТВЕННЫМ
АДАЛИН ЧЕРНО

Адалин Черно
Останься единственным
Серия «С первого взгляда», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67912623
2022

Аннотация

Он – руководитель самой крупной строительной компании города. Я – безнадежно в него влюблена. Я знала, что он не настроен на серьезные отношения, но все равно позволила ему стать моим первым мужчиной. Тогда я была уверена, что мы больше никогда не увидимся.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	81
Глава 12	87
Глава 13	97
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Адалин Черно

Останься единственным

Глава 1

Кира

Открыть дверь автомобиля и выйти наружу получается не сразу. Руки дрожат от волнения. Минуту назад, проезжая мимо дома наших соседей, я увидела их сына. Кирилла Багрова собственной персоной. Соизволил приехать к родителям. Я столько раз проезжала мимо, и ни разу за последние два месяца он там не появлялся. И вот...

Это произошло, когда я этого не ждала. И, как оказалось, была совершенно к этому не готова.

Взяв себя в руки, все же выхожу из машины и следую к дому. С утра чувствую себя неважно, поэтому решила вернуться домой из университета пораньше. Лучше пропустить несколько пар, чем хлопнуться в обморок прямо в аудитории.

Впрочем, вернуться пораньше оказалось плохим решением. Как только я захожу в дом, Елизавета, наша домработница, сообщает о желании отца меня видеть. Я мимоходом

замечаю ухмылку на полноватом лице, но пропускаю ее мимо. Сегодня я вряд ли способна считывать эмоции других людей. Меня свои переполняют с лихвой. Дышать трудно от того, что творится внутри.

Мы с Багровым два месяца не виделись. Мы и сегодня не виделись, если так подумать, но те жалкие мгновения, которые выпали мне, чтобы на него взглянуть, разбредили душу. Вытащили оттуда боль и тоску, которые я мастерски скрывала все это время.

Пока поднимаюсь по лестнице, прокручиваю в голове множество вариантов, по которым папа может меня вызвать. В последнее время он не в лучшем расположении духа. Причин этому я не знаю. Спрашивала у мамы, но она лишь обмолвилась, что в бизнесе дела идут не лучшим образом. Впрочем, мама редко лезет в дела отца, поэтому и знать о них много не может.

Стоит мне зайти в кабинет, я сразу понимаю, что отец не в духе. На столе початая бутылка виски и полупустой стакан. Во взгляде отца недовольство и, я бы даже сказала, ярость. У меня озноб по телу пробегает, но я все же ступаю в кабинет и закрываю за собой дверь.

– Елизавета сказала, ты меня звал, – нарушаю затянувшееся молчание.

Все же, несмотря на то, что я вернулась домой пораньше, чувствую я себя все еще неважно. Беременность дается мне тяжело. Особенно из-за того, что кроме меня о ней больше

никто не знает. Из близких, знакомых и родственников – ни одна живая душа.

– Что это?

Отец кивает куда-то на стол, и мне приходится подойти ближе.

Лучше бы я этого не делала, честное слово. Там лежит мой тест на беременность. Тот самый тест, который я сделала, будучи на море, и который привезла с собой домой. Не смогла его там оставить. Забрала. Лучше бы выбросила, все равно толку от него никакого. Я не собиралась говорить Багрову о том, что беременна. И красивого сообщения о том, что мы ждем ребенка, все равно бы не вышло.

– Я спрашиваю – что это?

Отец резко повышает голос на несколько тонов. Я ежусь. Я два месяца тщательно скрывала свою беременность и все это время с такой же щепетильностью думала, как рассказать о ней отцу. Ни одного подходящего слова я так и не нашла, поэтому сейчас стою, ошарашенно глядя на тест. Откуда он у него? Как он его нашел?

– Кира, мать твою!

Вот теперь мне становится по-настоящему страшно. Таким я отца никогда не видела и понятия не имею, как с ним разговаривать.

– Тест на беременность.

– Я не слепой, Кира. Откуда он? Ты что, беременна?

Можно сказать «нет». Можно придумать отмазку и со-

врать, что тест принадлежит моей подруге. Можно прямо сейчас закончить эту пытку и уйти, но проблема в том, что через несколько месяцев моя беременность станет заметна, и нам все равно придется поговорить. Не думаю, что тогда отцу будет легче услышать то, что я должна ему сказать.

– Да, папа.

Стакан с виски, секунду назад стоявший на столе, со свистом пролетает в полуметре от меня и врезается в стену, со звоном разлетаясь на осколки. Я вздрагиваю. Тошнота, мучившая меня с самого утра, снова подкатывает к горлу. Но то ли потому, что сейчас не до этого, то ли потому, что организм перешел в режим волнения и страха, я благополучно сдерживаю тошноту и ошарашенно смотрю на отца.

– Кто он? – спрашивает папа.

Я надеялась, что он спросит что-то другое. Будет кричать, возмущаться, возможно, выдаст свою ярость, но не спросит, кто отец. Какая, к черту, разница?

– Кто?

Отец крепко сжимает челюсти и шумно выдыхает.

– Отец ребенка, Кира. Кто он?

– Это важно?

– Мать твою, ты можешь ответить на мой вопрос?!

– Нет.

– Нет?!

Отец встает из-за стола. Ко мне не идет, остается стоять. Видимо, боится не сдержаться. Я, честно говоря, тоже бо-

юсь. Папа ни разу руку на меня не поднимал. Кричал, конечно, когда я косячила, даже денег лишал, чтобы проучить, но бить – никогда такого не было. Сейчас я именно этого боюсь. Не столько из-за боли, сколько из-за последствий. Как мы после будем общаться? Как смотреть друг другу в глаза, зная, что произошло?

– Это Демьян? – голос отца, как мне кажется, звучит с надеждой.

Я его прекрасно понимаю. Демьян появился в моей жизни месяц назад. Ну, как появился... Мы с ним давно знакомы. Наши отцы плотно сотрудничают. Одно время папа даже намекал, что было бы неплохо породниться, но ни я, ни Демьян эту ремарку не восприняли всерьез. Это было два года назад. Нам обоим было по восемнадцать. Никто из нас не думал о свадьбе. Месяц назад Демьян стал ко мне подкатывать. До этого вопроса я не понимала причин его резкого ко мне интереса, а теперь, кажется, до меня доходит.

– Это ты, да?

– Что я?

– Ты попросил его ко мне подкатить?

– Не подкатить, Кира, а проявить интерес. И нет – не я. Это сделал его отец.

– Зачем?

– Что за вопросы? Мы с Тагаевыми давно обсуждали возможность вашего с Демьяном союза. Мне кажется – пора. Ты уже взрослая, да и Демьяну жениться пора.

– Ему пора слезть с дозы, папа! Какая, к черту, женитьба?

Меня настолько возмущают слова отца, что я не думаю о выражениях. Я давно о них не думаю. Теперь моим организмом почти постоянно руководят гормоны. Я вспыхиваю за секунду. Злюсь, конечно, невероятно! Пока я думала, как сообщить отцу о беременности, он подослал ко мне этого наркомана полоумного!

– Кира!

– Что, папа? Вы с твоим Тагаевым на что рассчитывали? Что я дура или слепая? Демьян – наркоман! Ты от такого человека себе внуков хочешь?!

– Значит, все же не Демьян.

– Нет.

– Повторю вопрос, Кира. Кто?

– Это не имеет значения.

– Вот как... Стало быть, и ребенка ты не хочешь. Организуем все тихо.

– Что организуем? – не сразу понимаю, о чем речь.

– Избавишься от беременности, – говорит отец будничным тоном, словно мы обсуждаем, какого цвета салфетки будут стоять на столе во время завтрака. – Демьян, конечно, идиот, но не до такой степени, чтобы не понять, что ребенок не его. Да и Тагаев потребует экспертизу. Ни к чему эти проблемы.

– Ты слышишь, что говоришь?! Я не буду делать аборт. И замуж за того, кого ты мне выбрал, выходить не стану.

– Станешь, Кира, станешь. Мне некогда с тобой возиться, – уже спокойнее произносит отец. Садится за стол, открывает ноутбук. – Я все организую. Пойдешь на аборт завтра же.

– Не получится, папа. У меня двенадцать недель. Никто тебе на таком сроке аборт не сделает. И я ни за что не соглашусь убить ребенка. Я рожу его, а за Демьяна сам замуж можешь выйти. Или за его отца сразу, чего мелочиться? Язык ему в жопу ты суешь красиво, уверена, он оценит очередной глубокий жест.

Зафиксировав выражение его лица, пулей покидаю кабинет. У двери налетаю на Елизавету. Видимо, именно она нашла тест и рассказала о нем отцу, иначе бы не стояла под дверью и не подслушивала. Впрочем, к ней я тут же теряю интерес. Спускаюсь на первый этаж и, миновав охрану, покидаю территорию, пока не поступило сообщение задержать меня силой.

Еще не знаю, куда пойду, но мне везет встретить такси. Водитель как раз высадил пассажиров, а новых клиентов, к счастью, не нашел. Я быстро запрыгиваю в салон и диктую адрес подруг. Они единственные, к кому я могу поехать. В противостоянии с отцом они мне, конечно, не помогут, но хотя бы на улице спать не придется.

Глава 2

Кирилл

– Как давно у нас проблема с поставками и задержка в строительстве? – басит отец, осматривая всех за столом переговоров.

Мой зам по снабжению мнется. Он – взрослый мужик с одной из самых высоких зарплат в нашей компании, но сейчас я впервые вижу на его лице растерянность. И я его прекрасно понимаю. Как бы трудно ему ни было со мной работать, с моим отцом невыносимо. Я и сам едва держусь на этом чертовом собрании. Хочется встать, распустить всех и выпроводить отца, по-хорошему напомнив ему о том, что компанией теперь руковожу я.

– Уже несколько месяцев, – сообщает зам.

– У вас два месяца задержка? – гремит Багров-старший.

– Н-не-е-ет. Проблемы были пару месяцев назад, но тогда их удалось более-менее решить. Ну и месяц назад тоже были. Теперь вот – снова.

– Три раза, – подводит итог отец, буравя Сергея Леонидовича взглядом. – Так? Или больше?

– Да, так.

– Это минус минимум полмиллиарда за один раз. Так, навскидку, – теперь отец сосредотачивает взгляд на мне.

Спокойно его выдерживаю. Сотрудники мои, конечно, неподготовленные, а я этот взгляд с детства вижу. Привык уже. Отец со мной никогда не нянчился. Мое рождение стало для папы поводом успокоиться и заняться воспитанием преемника. Это потом, когда появились Саша и Глеб, отец понял, что можно было выбирать, но было уже поздно. Воспитание во мне лидера давало свои плоды. Я хорошо учился в школе, закончил с отличием университет, умело управлял компанией. То, что сейчас у нас происходит – не моя вина.

– По моим подсчетам, семьсот миллионов, – вклинивается наш аудитор.

– Понятно, – отец хмурится, а затем требует всех покинуть помещение.

Присутствующие спешно собираются. Через минуту в зале остаемся только мы вдвоем. Я сижу в одном конце переговорного стола, отец – в другом. Когда все уходят, он встает и садится поближе.

– Рассказывай.

– Что именно рассказывать?

– Как дошло до того, что мы теряем семьсот миллионов за один такой простой? Как ты вообще их допустил?

– Арбатов блокирует поставки оборудования в портах, из-за этого у нас проблемы на стройке. Мы не успеваем вовремя сменить машины, а работать со старыми я не позволяю. Все-

таки техника безопасности превыше всего.

Отец кивает. В этом он со мной абсолютно согласен. Наша строительная компания всегда соблюдала в первую очередь технику безопасности. Именно она и стала причиной экстренной замены нашего постоянного поставщика оборудования, с которым мы сотрудничали последние годы.

– Я что-то не понимаю. Арбатов не желает делать поставку оборудования?

Я набираю в легкие воздуха. Отец отошел от дел не так давно, но почти не интересовался происходящим. Его вполне устраивало мое руководство, а я старался соответствовать, и до недавнего времени все шло хорошо.

– Мы заменяем поставку из компании Арбатова оборудованием из-за границы.

Отцу требуется несколько мгновений, чтобы переварить полученную информацию, после чего он сухо спрашивает:

– Причина?

– Низкое качество. В последние полгода у нас ряд несчастных случаев, произошедших из-за выхода из строя машин, что мы у него покупали. Причем это было совершенно новое оборудование, на гарантийном сроке.

– Такое случается, – вставляет отец. – Погрешности бывают.

– Безусловно, – соглашаюсь с ним. – Но шестой по счету случай заставил насторожиться. Я отправил одну из машин на экспертизу, и выяснилось, что они подмешивают в мате-

риалы низкосортное сырье средней плотности, тогда как в отчетах у нас стоит совсем другое. Покупать оборудование у них означает подставлять под удар наших людей.

Отец выслушивает мои пояснения молча. Хмурится недовольно, а после спрашивает:

– Иван в курсе?

– Это его компания, конечно, в курсе. Мы говорили с ним, он обещал все исправить, но новая поставка ничего не изменила. Экспертиза показала то же самое. Мы нашли высококачественное оборудование в компании за рубежом, его доставляют по морю, но в портах задерживают. У Арбатова, насколько я знаю, есть такие полномочия.

– Есть, – вздыхает отец. – Он нам такие палки в колеса вставить может. Я удивлен, что задержка в портах – единственное, с чем мы столкнулись.

Я вижу, что отцу неприятно это слышать, все же Арбатов – его лучший друг. Они регулярно встречаются, собираются друг у друга на барбекю. Когда-то они вместе начинали. Арбатов отцу на старте очень сильно помог, и, конечно, он это помнит. Отказываться от поставок ему сложно, разорвать партнерские отношения – еще труднее. Я до последнего не хотел, чтобы отец узнал о происходящем. Арбатов молчал, и я тоже. Не хотелось вмешивать отца и рушить их дружбу, но иначе не выходит, к сожалению.

– Я поговорю с Иваном. Возможно, мне удастся с ним договориться.

– Попробуй. Со мной он даже на встречу по итогу не пришел, хотя сам на ней и настаивал. Он, я так понял, с Тагаевым сдружился, а там, сам понимаешь, какие люди.

– Серьезные, Кирилл. Откуда информация?

– Арсений достал.

С Арсом мы работали несколько лет назад, пока он не укатил за границу. Я с ним связывался специально, чтобы найти, через кого Арбатов блокирует наши поставки. Там на довольно высоком уровне все делалось, а друзей среди высокопоставленных за Иваном замечено не было. Арс, как и всегда, сработал быстро и ответ дал почти сразу.

– Тагаев сейчас весь город держит, – говорит отец. – Мы тоже не последние люди, но лезть в чернуху не хотелось бы.

В этом я с отцом солидарен на все сто процентов. Мы старались вести бизнес относительно честно. Без прикрытия извне. И, по правде, не хотелось бы его иметь.

– Ладно, решим, – смягчается отец. – С Ликой что? Точно не женитесь?

Я морщусь. На то, чтобы устаканить вопрос с моей якобы женитьбой, у меня ушел месяц, и то отголоски новостей долетают до сих пор. Я с Ликой засветился на приеме, когда девушка, с которой я хотел пойти, отказалась. Лика же... пришла с обручальным кольцом на пальце, и, конечно же, все решили, что замуж она выходит именно за меня. Вопрос утрясали долго, да и до конца еще не убрали постоянные вбросы. Мы с Ликой продолжаем общаться, несколько раз встреча-

лись в ресторане, и это, конечно же, подхватывают местные сми, строя догадки, не обманули ли мы всех и не решили ли пожениться в тайне.

– Я ведь говорил, что не собирался, папа.

– Зря. Хорошая женщина тебе бы не помешала, к тому же у нее отец метит в губернаторы области. Ты представляешь, каким выгодным будет брак, если это произойдет?

– Я не стану жениться на женщине, чтобы подобраться к ее отцу. И ты знаешь мое отношение к женитьбе.

– Да уж знаю. У всех вас оно какое-то... так и внуков не дождемся.

– Папа.

– Что папа? Тебе тридцать пять, Кирилл. Пора бы и жениться. Неужели так и не встретил женщину, которая бы тебя взволновала?

– Нет.

Напоследок отец обещает поговорить с Арбатовым и сказать мне о результатах их разговора. Когда он уходит, я позволяю себе вспомнить Киру. Она стала единственной, даже не женщиной – девушкой, которая меня взволновала. Зацепила настолько, что даже спустя несколько месяцев после того, как она ушла, прихватив с собой карту и сняв с нее несколько сотен тысяч рублей, я продолжаю о ней думать.

Поначалу хотел поручить своим безопасникам организовать ее поиски, а потом понял, что у меня ничего не осталось, кроме имени, да и то, вероятно, принадлежало не ей.

Все фото, что она мне отправляла, я не сохранял, а когда дошло дело до поисков, оказалось, что она стерла все, что мне отправляла. Неприятно, конечно, если не сказать больше. И подруга ее, с которой они работали, ни слова не сказала. То ли не знала, то ли оказалась крепким орешком и не испугалась. Говорить отказалась, даже охрану в ресторане вызвала, когда я попытался ее удержать и вытащить информацию.

– Кирилл Викторович, к вам Софья. Впустить? – голос секретарши вырывает меня из раздумий.

– Проводи в кабинет, я сейчас приду.

Глава 3

Кира

К подругам заявляюсь в слезах, с размазанной под глазами тушью и опухшим лицом. Всю дорогу плакала, таксист как-то странно на меня поглядывал, но когда получил тысячу рублей, подобрел, даже спросил, все ли в порядке и не нужно ли мне помочь. Деньги творят чудеса, говорят, но с нашей семьей вот не вышло. Маму не интересует ничего, кроме живописи, отца – только бизнес.

Нинка открывает дверь с третьего звонка. Закутанная в большое пуховое одеяло с синим пододеяльником, смотрит на меня сонными глазами. Я вспоминаю, что вчера она была на ночной смене, и становится немного неловко, что потревожила.

– Господи! – выдыхает Шорохова, миг просыпаясь.

В квартиру меня буквально втягивает, осматривает пристально, словно следы побоев ищет, которых, конечно же, нет.

– Разувайся давай, проходи на кухню, я через минуту приду, чай сделаю. Оденусь только.

Я неловко переминаюсь, но иду на кухню. Веры, судя по

всему, нет. Не вернулась еще с пар, хотя я думала, что уже. Она тоже вроде бы собиралась уходить пораньше.

Нинка появляется в кухне через минуту. Сразу же включает чайник, достает бабушкин фирменный чай.

— А что в составе? — спрашиваю, глядя на непонятную россыпь.

— Откуда ж я знаю? — пожимает плечами. — Бабушка из деревни мне постоянно передает, ромашку, знаю, точно кладет. И еще что-то. Сама собирает травы, сушит, что-то покупает в аптеке, правда.

— Я не буду, наверное.

— Кофе?

— Нет. Есть обычный чай?

— Да, Верка где-то покупала, сейчас поищу.

Мне нравится травяной чай Нинкиной бабушки, но в моем положении пить что-то на основе трав довольно рискованно, поэтому я отказываюсь. Ни Нинка, ни Верка о моем положении пока тоже не знают. Я до последнего надеялась, что этот момент как-то утрясется. Разумеется, я не глупая, понимаю, что беременность не проходит просто так, как заболевание, знаю, что будет расти живот, затем будут роды, но...

Глупо было скрывать. Теперь вот... не знаю даже, как сообщить.

— Так что произошло? — спрашивает Нинка, впиваясь в меня цепким взглядом. — Видок у тебя тот еще.

– Папа, – вздыхаю. – Я не знаю, как домой возвращаться.
– Все так плохо?

О наших периодических ссорах с отцом подруги, конечно, знают. Я даже жила у них, когда захотелось работать, а отец категорически запретил и поставил меня перед выбором: либо его деньги, либо работа. Я, конечно, самостоятельность выбрала, но потом пришлось вернуться, чтобы собрать себя по кусочкам после тяжелого расставания с мужчиной, от которого сейчас жду ребенка.

– Я беременна, Нин, – выдаю на одном дыхании. – Двенадцать недель уже.

– Охренеть, – ошарашенно на меня смотрит. – Ты только узнала?

– Нет, давно узнала, еще когда на Мальдивы улетела. Там тест сделала.

– И молчала? – укоризненно спрашивает. – Как могла, а? Партизанка.

– Я просто, я... не знаю, Нин, почему смолчала. Не знала, как сообщать. Вообще, надеялась, что это неправда.

– Ты у врача была уже? На учет встала?

– Нет.

– Здравствуйте, приплыли, а как это? Там же анализы сдавать нужно, на гемоглобин, скрининги там всякие, да и вообще... УЗИ сделать. Ты ребеночка увидеть хочешь?

Слова Нинки вихрем проникают в сознание. Сразу же вину ощущаю перед еще не родившимся малышом. В попыт-

ках забыть случившееся я не подумала о его здоровье. О себе волновалась, а в больницу так ни разу и не сходила.

– Ни-и-и-ин, – снова слезы на глаза наворачиваются, как подумаю о том, чего не сделала. – Вот что я за дура-то такая?

– Почему дура-то сразу? Это ведь и завтра можно сделать, и послезавтра. Это быстро. У меня тетя работает в женской консультации, она тебя без очереди впихнет, если хочешь. Ну, или в частную клинику можно записаться, там тоже, думаю, быстро сделают. С твоими-то деньгами.

– Может, и нет никаких денег, – говорю. – Отец зол. Он в таком состоянии может не просто заблокировать – закрыть мои карты.

– Ну, к тетке пойдем. Там врачи первоклассные, посмотрят тебя, анализы возьмут, не переживай. Главное, не нервничай, это хуже, чем то, что ты не пошла в больницу.

– Ты так много знаешь. А я ничего почти.

– Говорю же – тетя у меня там работает. Я в свое время насмотрелась на беременных. Даже хотела идти учиться на акушера-гинеколога, но потом передумала.

– Ничего себе.

Об этом я не знала, что даже удивительно, учитывая, сколько лет мы с Нинкой дружим.

– В общем, я все организую. Завтра же к врачу пойдем, не раскисай, главное.

Мы обе замолкаем. Тишину нарушает лишь стрелка настенных часов, которые хозяйка квартиры категорически за-

претила снимать.

– А... – Нинка замолкает, но я и так прекрасно знаю, о чем именно она хочет спросить.

– Не знает.

– Ох... – только и выдает подруга.

– И не буду говорить.

– А папа? В курсе?

– Что я беременна – да. Кто отец ребенка – нет. Мы поэтому и поссорились. Он настойчиво спрашивал, я отказывалась рассказать. Он... он... аборт предложил сделать, раз такое дело.

– Сволочь, – резко выпаливает Нинка и тут же замолкает. – Прости.

– Это еще не все.

Я в подробностях рассказываю ей о разговоре с отцом. Каждый раз Нинка широко распахивает глаза и мотает головой. Вот такой у меня отец, да. Я и сама не знала до сегодняшнего дня, что он способен на такие слова. Надеюсь, это только слова, поступков не будет.

– А ты? Ты сама как думаешь?

– Двенадцать недель, Нин. Аборт делать поздно, да я и не думала о нем совсем. Сразу поняла, что рожать буду. Это ведь его ребенок, понимаешь? Частичка Багрова во мне.

Не хочу даже думать, как звучат мои слова. Мне кажется, что они похожи на бред одержимой, но я все равно их произношу. Я бесповоротно влюблена в Кирилла Багрова. Влю-

билась давно, еще когда он приходил в наш дом с родителями. Взрослый, безумно красивый, серьезный и всегда собранный, он заставлял мое сердце биться чаще. Я долго училась за границей, а когда вернулась – едва ли не в первую вылазку в клуб встретила его за столиком. Могла ли я пройти мимо и не попробовать? Конечно, нет.

Он в ту же ночь стал моим первым мужчиной. Сразу после мы расстались, разумеется, но потом столкнулись в кафе, куда я устроилась на работу, и закрутилось. Я не надеялась на что-то серьезное, но вынести информацию о его женитьбе оказалось сложно. Долгие недели на Мальдивах я приходила в себя, боролась с постоянной тошнотой, пока не узнала о беременности. И вот... Багров ничего не знает, отец настаивает на аборте, а я... я ни за что не смогу навредить своему ребенку. Пусть он и зачат случайно, я уже его жду. Не могу иначе, ведь внутри меня не просто ребенок. Там малыш от Багрова. Его сын или дочка.

От раздумий отвлекает щелчок замка. Верка возвращается домой. Вихрем врывается вначале в коридор, а затем и на кухню. С улыбкой, счастливая, правда, как только нас видит – замирает. Вмиг становится серьезнее.

Приходится и ей все рассказать, правда, уже легче. То, что я не могу произнести, говорит Нинка. Верка только молча слушает. Не комментирует, пока мы с Ниной окончательно не замолкаем.

– А может, и нет никакого ребенка? – спрашивает. – Ты

же только тест сделала, а они врут. У моей подруги вот...

– Ша, Рязанцева, – тут же затыкает ее Нинка, но уже поздно.

Эта мысль настойчивой хваткой просачивается в мои мысли, занимает там едва ли не главную позицию. Ни на секунду не отпускает.

– Не слушай ее. Тест ты сделала, месячных у тебя нет, – перечисляет Нинка. – Беременна, конечно.

– А если нет? – спрашиваю. – Запиши меня к врачу. Завтра же, Нин. Я должна узнать.

– Конечно-конечно, уже записываю, – встает из-за стола. – Со мной пошли, – говорит Верке и буквально выталкивает ее из кухни.

Я слышу, как они ссорятся. Делают это шепотом, но я все равно слышу. Слов не разберу, по тону понятно, что не сошлись во мнениях. Я теперь тоже сомневаюсь. Вдруг никакого ребенка нет? Может, это сбой у меня из-за первого раза. Гормоны шалят. Я ведь до Багрова сексом ни с кем не занималась, а потом стресс.

– Завтра в десять к врачу, – сообщает Нина. – Не думай даже, все будет. Или... ты, наоборот, обрадуешься, если не беременна?

– Не знаю, Нин... не знаю.

Не обрадуюсь. Страшно признаться, но я не представляю, как услышать эту новость. Я столько месяцев ходила с мыслью, что жду ребенка от Кирилла. Что внутри меня растет

его частичка, и что теперь у меня появится малыш, который навсегда свяжет нас с ним. Пускай не физически, но я готова довольствоваться малым.

Глава 4

Кира

– Я беременна? – переспрашиваю у доктора.

Она смотрит на меня, слегка приподняв одну бровь. Удивляется, конечно, ведь несколько минут назад она мне об этом сказала.

– Беременны, – повторяет еще раз. – Двенадцать недель. У вас была задержка месячных?

– Да.

– Вы сказали, делали тест.

– Да.

– Что он показал?

– Две полоски.

– И у вас остались вопросы? – она улыбается. – Не планировали ребенка?

– Н-н-нет, то есть да. В смысле – я буду рожать.

– Отлично. Напишу вам направление на УЗИ и некоторые анализы. Если сегодня поели, лучше сдавать завтра с утра.

– А там... все в порядке?

– Визуально – все хорошо. Сдадите анализы, пройдете УЗИ, и будем знать, что с вашим малышом и общим состо-

нием организма. Вы хорошо питаетесь?

– Да. В первые месяцы меня тошнило, я практически не могла есть, но потом стало легче.

– Сейчас как?

– Нормально.

– Вы похудели после беременности?

– Сначала да, а потом набрала два килограмма.

– Хорошо. Вот, – она протягивает мне несколько листочков и тетрадку с надписью «обменная карта» и рисунком младенца. – Придете ко мне через два дня, я посмотрю анализы и УЗИ. Потом решим, нужны ли вам витамины. Пока что просто отдыхайте, наслаждайтесь жизнью, старайтесь не нервничать и правильно питаться.

– И все? – уточняю.

Я почему-то думала, что беременность – это череда ограничений и запретов, а здесь оказывается, что можно почти все.

– Все. Не поднимайте тяжести, не пейте медикаменты без моего ведома. Все рекомендации записаны в обменной карте, если что-то хотите спросить – я вас слушаю.

– Я... эм...

Понятия не имею, что спрашивать. О чем? Я о беременности практически ничего не знаю, только то, что нельзя употреблять алкоголь и курить, но это я и без беременности не делала, так что отказаться от выпивки и сигарет для меня проще простого.

– У вас есть половой партнер?

– Нет, то есть... нет.

Доктор улыбается и смотрит на меня с теплотой во взгляде. Она мне нравится. Открытая, уравновешенная, добрая, спешит объяснить все, что мне непонятно.

– Противопоказаний к половой жизни на данный момент не вижу. Кровотечений не было? Болей внизу живота?

– Именно болей – нет. Слегка будто потягивало.

– Это нормально. Если вдруг будут выделения – лучше прийти ко мне. Такое бывает, но перестраховаться не помешает.

Слушаю информацию внимательно. Как губка впитываю все, что мне доктор говорит. Едва ли не с открытым ртом ее слушаю. Хочу, чтобы с ребенком все было хорошо. Я и так сильно затянула с визитом, может, сама того не подозревая, как-то навредила малышу.

– Не нервничайте только, – говорит с искренней улыбкой. – Вы девушка молодая, выносить сможете легко, да и родить – тоже.

– Спасибо, спасибо большое, – тараторю напоследок и, забрав обменную карту с малышом на обложке, иду к выходу.

Там меня уже ждут девочки. И Нина, и Вера пришли со мной, чтобы поддержать. Пары сегодня пропустили, чтобы рядом быть. Я им безумно благодарна.

– Что сказали? – тараторят почти в один голос.

– Все в порядке, – выдыхаю, забывая, зачем мы вообще

сюда приходили.

– В смысле? – спрашивает Нинка. – А ребенок?

– Есть ребенок? – это уже Вера.

– Есть, конечно, – улыбаюсь. – Куда бы ему деться? Это вы всё... заставили меня сомневаться.

– Не мы, – вставляет Нинка, недобро поглядывая на Веру.

– Ну что? – защищается та. – Я все варианты рассматриваю.

– Как всегда.

Мы вместе выходим из поликлиники. По пути забегаю в регистратуру и записываюсь на УЗИ. Удивительно, но после вчерашнего папа не заблокировал мои счета, но я сама отказалась снимать оттуда хоть что-то. Не после того, что произошло. Не после его слов про аборт.

– Кира! – голос отца настигает меня на выходе из больницы.

Я вздрагиваю и ближе к девочкам прижимаюсь. Мне кажется, что он способен силой меня схватить и отправить избавляться от ребенка. Девчонки меня обнимают, показывая, что рядом со мной.

– Нужно поговорить.

– Нам не о чем, папа.

– Кирюш...

Только сейчас я вижу в его взгляде раскаяние и сожаление. Он не пытается подойти ближе, но смотрит так, что я сразу же понимаю – никакого «силой» не будет.

– Извини меня за то, что вчера сказал, – говорит. – Прости.

– Я все равно с тобой никуда не поеду.

Боюсь. Несмотря на его спокойный ласковый тон – страшно.

– Можем не ехать. Вот кафе напротив есть, давай там поговорим. И подружек бери своих, за соседним столиком сидят. Так тебе будет спокойнее?

Я мнусь. Не знаю, стоит ли с отцом разговаривать. Врач сказала мне не нервничать, а сердце даже при виде него вскачь пускается. Отчего-то страх тело сковывает, хотя это мой папа, рядом со мной мои подруги, ничего ужасного не произойдет. Просто... просто он очень сильно меня напугал вчера.

– Ладно, – соглашаюсь.

Мы заходим в кафе поблизости. Садимся с папой за один стол, девочки за другой. Чуть дальше от нас, чтобы не подслушивать, но видеть меня и, если что, вмешаться. Пока к нам подходит официант, и мы делаем заказ, я успокаиваюсь. Выравниваю бешеное сердцебиение и смотрю на отца уже спокойнее.

– О чем ты хотел поговорить?

– Извиниться за то, что предлагал тебе аборт. Я... я разволновался, конечно, когда узнал, что ты беременна. Страшно стало. Ты ведь... совсем недавно такой маленькой была. Кира... я из роддома тебя будто вчера забирал.

Я не могу сказать, что мы с папой настолько близкие люди, чтобы делиться наболевшим. Скорее нет, чем да. Мы просто... у нас неплохие отношения, теплые, но откровенности между нами не было, впрочем, как и между мной и мамой. Как-то так вышло, что поделиться своими переживаниями я могла только с девчонками. Видимо, именно поэтому они у меня простые, не из моего круга. Обычные, но надежные, самые что ни на есть настоящие. Искренние и всегда готовые прийти и поддержать меня. Из своего круга я не нашла никого, кто был бы способен хоть на половину того, что сделали для меня Нинка с Веркой.

– Ты для меня всегда маленькой девочкой будешь, а тут – такое сообщение. Беременность. И отца ты называть отказываешься.

– Это что-то изменит? – спрашиваю.

– Нет, разумеется, нет, но моя дочь не должна воспитывать ребенка одна. Мой внук или внучка не должны расти без отца.

– Папа...

– Это тот парень, Кира? С которым ты жила?

Я прикрываю глаза. Конечно, это тот парень. Только вот... не парень он вовсе. Мужчина. Взрослый, мужественный, настоящий.

– Нет, папа.

– Я не понимаю.

– Я не буду называть его имени.

– Это кто-то... знакомый? Тебя обидели?

– Папа! – чуть повышаю голос. – Прекрати, пожалуйста.

Я сказала, что говорить не буду. Хватит.

– Ладно, – делает небольшую паузу. – Ладно, – добавляет.

– Ваш заказ, – подходит официант.

Когда он отходит, папа продолжает:

– Я хочу, чтобы ты вернулась, Кира. Приезжай домой, маме расскажем.

– Ты ей еще не говорил?

– Как без тебя-то? Конечно, нет. Решил, ты вернешься, и мы вместе скажем.

Не могу так сразу согласиться. Понимаю, что передо мной отец, и он вряд ли предпримет что-нибудь силой, но все равно нервничаю. Не могу окончательно расслабиться и согласиться.

– Пожалуйста, Кира, – просит. – Тебе нужен уход. К врачу, опять же, сходить. Я все организую. И питание должно быть хорошим, – папа укоризненно смотрит на мой морковный торт.

– Я знаю, знаю, – говорю. – Только что от врача.

– И что? Что сказали?

– Все в порядке.

– А ты? Ты как себя чувствуешь?

Таким заботливым, как и вчера разгневанным, я отца впервые вижу. Знаю, конечно, что он может быть добрым, когда это в его интересах, но сейчас он не просто добрый, он

лишнего боится сказать. Аккуратно подбирает каждое слово.

– Хорошо чувствую, папа. Я вернусь, если ты прекратишь допытываться, кто отец ребенка. Я не хочу говорить. Возможно, скажу потом, но не сейчас.

Сама мысль, что отец может узнать и пойти к Кириллу, для меня болезненна. Я хотела... думала, что Багров что-то почувствует ко мне без информации о беременности. Поймет, что я дорога ему, что он не хотел бы со мной расставаться. Приедет, скажет, что раскаивается, что безумно соскучился, и... позовет обратно.

Разумеется, мечты были дурацкими, а я глупой. За эти месяцы мало что изменилось. Я не сильно-то поумнела, раз до сих пор время от времени жду появления Багрова в моей жизни. Давно пора прекратить, а я все никак не могу. Тоскую по нему очень сильно и никак не могу избавиться от этого чувства, разъедающего меня изнутри.

– Хорошо, – соглашается отец. – Я не буду спрашивать.

Я киваю. Любые ниточки, связывающие нас с Багровым, я стерла с телефона. Жаль только, что из памяти одним нажатием кнопки не стирается. Невозможно отформатировать, а мне бы хотелось. Забыть и не помнить. Испытывать только положительные эмоции и не утопать в океане боли, сожаления и вопросов, почему все вышло так?

Доев свой торт и допив какао, иду к девочкам, пока папа рассчитывается с официантом. Сообщаю им, что поеду до-

мой.

– А отец твой? Как?

– Нормально. Извинился. Говорит, готов присматривать за мной. Не будет ничего спрашивать об отце ребенка и давать на меня.

– Фу-у-ух, – выдыхает Верка.

Она почему-то больше всего моего отца боится. Папа как-то появился к подругам, когда меня искал. Это давно было, больше года назад, но Верка до сих пор случай тот вспоминает с содроганием. Ничего с этим поделать не могу, иногда папа умеет быть злым, как сам черт. Ужас вселять в собеседников.

Глава 5

Кира

Разговор с мамой оказывается самым сложным. Я представить не могу, как ей сообщить. До момента, когда отец позвал ее в кабинет, я думала, что тяжелее всего сообщить ему, но оказывается – нет. Мама, как и всегда, жизнерадостная и веселая, улыбается. И, как обычно, на ее одежде капли краски. Ощущение, что она почти никогда не покидает мастерскую, но ведь это не так. Она успевает и готовить, и благотворительностью заниматься, а еще отдыхать.

Мама всегда была для меня примером настоящей женщины. Красивой, утонченной, воспитанной, образованной и интеллигентной. Я тянулась к ней, пока не поняла, что мы слишком разные. У меня в любом случае не получится быть такой. Внутри я бунтарка, местами истеричка, иногда могу быть совершенно невыносимой. А мама... я ни разу не слышала, чтобы она повышала голос на папу, кричала или устраивала истерики. Она находит себя в творчестве, выпускает пар на холсты, а затем приходит в семью с улыбкой и светящимися глазами.

Наверное, именно такая женщина может удержать рядом

мужчину. Впрочем, маме не нужно удерживать, отец сам к ней тянется. Даже сейчас – она заходит в кабинет, и я вижу, как папа на нее смотрит. С какой любовью и даже обожанием.

– Кирочка, – мама тут же направляется ко мне с объятиями. – Ты вчера убежала, папа так и не объяснил почему. Надеюсь, вы уладили разногласия?

– Уладили, – говорит отец. – Но Кира кое-что сказать тебе хочет.

– Ты присядь, мам...

Мы не хотим ее волновать, но по изменившемуся лицу понимаю, что сделали только хуже. Никакой предварительной подготовки не вышло.

– Что случилось? – тут же выдыхает мама. – Говорите.

– Я беременна.

Мама переводит на меня ошарашенный взгляд. Смотрит, не моргая.

– Как это... когда... господи.

Мама шарит взглядом по комнате и садится на диван. Несколько минут ей требуется, чтобы прийти в себя и воспринять информацию. Я ее понимаю. Одно дело, когда дочка сообщает, что беременна, находясь в браке или хотя бы в серьезных отношениях. И другое, когда вот так... как пыльным мешком по голове трескают.

– Ребенок, – шепчет мама. – У тебя будет ребенок?

– Ага, – я сажусь с мамой рядом. – Уже двенадцать недель.

– И ты молчала?

– Так получилось.

– Надо записать тебя к врачу. И на УЗИ. И питание тебе правильное составить, – тут же начинает планировать.

– Мам... все в порядке. У врача я уже была, на УЗИ завтра, а питание... я ведь и так у тебя питаюсь хорошо.

– Ну да... да... Кирочка...

Все проходит более-менее нормально. Спокойно. Мама реагирует вполне радостно, обещает пойти завтра со мной на УЗИ.

– Это я бабушкой буду, – говорит, смеясь. – Господи, мне сорока еще нет.

– Скоро будет, – вставляет свои пять копеек отец и получает от мамы гневный взгляд.

Она не любит, когда ей напоминают про возраст. Я отчасти поэтому боялась сообщать ей о беременности, не хотелось бы, чтобы у мамы появились комплексы из-за того, что она станет бабушкой. Судя по всему, можно выдохнуть.

– Я буду гулять с коляской, и прохожие будут думать, что это мой ребенок, – улыбается радостно, а затем отцу предлагает: – А может...

– Нет! – решительно заявляет отец. – Совсем уже?

– Ладно, я пойду отдыхать.

Думаю, дальнейший их разговор не предназначен для моих ушей. Я тихо прикрываю за собой дверь и иду к себе в комнату. Принимаю душ, а затем не замечаю, как засыпаю.

Глаза открываю уже в темноте. Просыпаюсь от чувства голода. Есть хочу так сильно, что готова сожрать слона. Встаю, набрасываю халат, надеваю тапочки и выхожу из комнаты. Проходя мимо кабинета отца, совсем не планирую подслушивать, это получается произвольно, само по себе.

– Ищите, Роман, ищите. Я должен знать его имя.

– Можете объяснить подробнее, что искать?

– Все... Узнайте, с кем встречалась последние три месяца, подруг расспросите.

– Думаете, они расскажут?

– Конечно, нет, – раздраженно говорит отец. – Мне что, учить вас? Вы парни молодые, они девчонки видные, сделайте вид, что заинтересованы, и попытайтесь что-то узнать. Учить вас должен?

Я вздрагиваю от сухого тона отца и ошарашенно смотрю на дверь. Если оттуда сейчас кто-то выйдет, меня поймут с поличным, и отец изменит тактику. Сомневаюсь, что он избавится от желания узнать, с кем я встречалась, значит, придумает что-то еще. Спohватившись, быстро снимаю тапочки и сбегаю по лестнице вниз. Скрываюсь на кухне. Желудок урчит от голода, и я достаю из холодильника все, что попадает на глаза – соленые огурцы, клубничный йогурт, вареную колбасу, которую тут же запикиваю обратно. Правильное питание, как-никак. Правда, маринованные огурцы – не самый лучший вариант, но почему-то их больше всего хочется.

Именно с ними в тарелке меня и застает папа. Удивляется,

конечно, когда видит меня на кухне в такое время. Я обычно вечером не ем. Днем наедаюсь до отвала, а по вечерам пытаюсь не лопнуть. А тут вот...

– Маму твою тянуло на селедку. Как сейчас помню...

Что папа рассказывает – не слышу. Мне сразу же дурно становится. Я почему-то тут же представляю себе запах селедки. Кривлюсь и сглатываю подступившую к горлу тошноту. Не выходит. Хорошо, что туалет недалеко от кухни. Я быстро там закрываюсь и освобождаю желудок от всего съеденного. Пока умываюсь, папа стучит в дверь:

– Кирюш... ты как там?

– Нормально! – кричу, умываясь.

Мне требуется еще пара минут, чтобы выйти.

– Ни слова о селедке! – предупреждаю сразу.

– Ладно.

– Снова голодная, – говорю с сожалением и на папу по-смаатриваю.

Я слышала его разговор. Понимаю, что он задумал, и боюсь этого. Мы с Кириллом, конечно, не светились, да и девчонок я предупрежу никому и ничего не говорить, но все равно успокоиться не могу. Как представлю, что отец узнает...

А Кирилл... что будет, когда о моей беременности узнает он. И не от меня – от папы. Представить невозможно его реакцию.

– О чем задумалась?

– Ни о чем, – отмахиваюсь и сажусь за стол. Накладываю себе огурцов под пристальным взглядом папы.

Правда, когда открываю упаковку клубничного йогурта и макаю туда огурец, папа смотрит уже с нескрываемым шоком во взгляде.

– Вкусно?

– Очень...

Папа смеется и садится напротив, наблюдая за мной. Почему-то я не могу на него злиться за тот приказ, что он отдал своим людям. В чем-то я его понимаю. Я его дочка. Единственная и самая любимая, он всегда будет искать и наказывать виновных, всегда меня защитит и оградит от проблем. Ему нужно знать, кто отец ребенка. Он хочет, чтобы я была счастлива. И я хочу, но никак не могу найти в себе силы и рассказать Багрову о ребенке. Не представляю, как онотреагирует, ведь рассказывать нужно не только о беременности, но и о себе. Прикинуть сложно, какая из тайн его разозлит больше.

– Кирюш... – начинает папа. – Я прошу тебя не нервничать и не злиться, но я должен спросить.

Я как раз в йогурт огурец макнула, правда, теперь не могу поднести его ко рту. Не лезет. Тело сковывает, когда папа кладет на стол фотографию. На ней – Багров и я. Правда, лица Кирилла не видно. Широкие плечи в темно-коричневом джемпере занимают половину фотографии. Дальше изображена я. Буквально свечусь от счастья. Взгляд у меня горит, и

улыбка такая искренняя. Можно было бы отвертеться, смотри я куда-то в сторону, но ведь нет, я на Багрова смотрю. С любовью и обожанием.

– Можешь не называть имени, дочка, – говорит папа. – Просто скажи, на сколько лет он старше?

– Папа...

– Кира, пожалуйста. Я знаю таких мужчин. Богатых, уверенных, взрослых. Он ведь не твой ровесник. Точно не твой. Часы на запястье за несколько миллионов, стиль одежды не молодежный, дорогая машина... Кира, сколько ему лет?

Глава 6

Кирилл

– Привет, – улыбается Софья, поднимаясь сразу, как я захожу в кабинет.

Шагает ко мне и останавливается, глядя снизу вверх с улыбкой.

– Я по делу, – добавляет. – Мне нужно, чтобы ты поехал со мной в больницу.

– А родители? – уточняю.

– Им знать необязательно.

Софья тяжелым грузом ответственности легла на мои плечи после того, как я позвонил Арсу с просьбой поднапрячь связи и узнать, через кого действует Арбатов. В обмен он попросил съездить за его сестрой и дал адрес. В доме, куда меня привел навигатор, оказался наркопритон. Софья не употребляла, что я потом проверил по анализам, но сам факт ее там нахождения, конечно, напряг. Теперь вот... она приходит ко мне всякий раз, когда ей требуется помощь.

– И что такого ужасного произойдет, если они узнают?

– Заставят избавиться от ребенка, – тихо говорит она.

– Ты беременна? – от шока у меня распахиваются глаза.

Впервые я увидел ее месяц назад. За это время она приходила ко мне всего несколько раз, но все эти разы она последний раз демонстрировала, насколько еще ребенок. Ей едва исполнилось восемнадцать. Какой, к черту, ребенок?

– Только не говори никому, – просит. – Ни родителям, ни Арсу.

– Твой брат должен знать.

– Нет, прошу... я сама ему скажу, когда узнаем точно.

– То есть ты еще и не уверена?

– Не-а.

Я немного выдыхаю, но все же напоминаю себе, что бдительность терять рано.

– Ладно, поехали.

Я забираю Софью и забираюсь вместе с ней в салон автомобиля. Она диктует Диме адрес и молчаливо утыкается носом в боковое стекло. Обычно она трещит без умолку, а тут – молча едет.

– Отец ребенка, знаешь, кто? – спрашиваю.

– Конечно! – выпаливает с обидой. – Или ты думаешь, я направо и налево?

– Нет. Конечно, нет. Его почему не взяла?

– Я же сказала, что не уверена в беременности.

– И поэтому пришла ко мне, – хмыкаю.

– Ты надежный. И умеешь хранить секреты, – она мне подмигивает.

В тот вечер, когда я нашел ее в наркопритоне, Арсу ниче-

го о нем не сказал. Дождался результатов анализов и провел с Софьей профилактическую беседу, хотя стоило рассказать, конечно. С детьми я не умею обращаться от слова совсем. А уж с подростками – тем более. Софье, конечно, восемнадцать, но ведет она себя глупо. Может, из-за того, что избалована, может, потому что родители за ней почти не смотрят, откупаясь деньгами, может, потому что нет близких людей, с которыми можно поделиться. Не зря же она у меня многое спрашивает. Видимо, больше не у кого.

– Если ты окажешься беременной – при мне позвонишь брату и все расскажешь.

– Конечно, – резво соглашается.

– Я не шучу, Софья. Сообщишь сразу же, или я расскажу ему про притон.

– Ладно, – бурчит недовольно.

Явно изначально планировала схитрить. С нее станется сбежать.

– Идти с тобой или ты сама?

– Сама, конечно! Еще не хватало, чтобы подумали, что ты папочка.

– И правда.

– Жди меня в машине, я после приема приду.

– Давай.

Софья выбегает из автомобиля и, перейдя дорогу, скрывается за дверью клиники.

– Кирилл Викторович, я могу отойти? В аптеку на

несколько минут, – спрашивает Дима, глядя на меня через зеркало заднего вида.

– Можешь, конечно.

Оставшись один, достаю планшет и открываю таблицу с отчетами, которые получил сегодня утром. Из-за совещания и теперь вот Софьи не было возможности их посмотреть. Бегло прохожусь взглядом по цифрам. Сосредоточиться не получается, и я отключаю экран. Поворачиваю голову в сторону клиники и глазам своим поверить не могу. Там стоит Кира. Пытается запихнуть какую-то книжечку в зеленый рюкзак, а затем, психанув, застегивает рюкзак и перебрасывает его через плечо. Книжечку к себе прижимает. Я машинально осматриваю ее всю. С головы до ног ее сканирую, чувствуя, как внутри какой-то пожар поднимается от одного только взгляда. Мать его, только этого хватает.

Не соображая, что собираюсь делать, открываю дверцу и выхожу на улицу. Она меня не видит. Стоит по другую сторону улицы и что-то печатает в телефоне с улыбкой. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что машин нет – иду к ней. Шагаю через дорогу и останавливаюсь у бордюра. Пока только смотрю, не решаясь подойти ближе.

Мои часы, купленные не так давно по совету кардиолога, начинают вибрировать. Я поднимаю руку, мажу взглядом по экрану – предупреждение об учащенном пульсе. Рядом с ней было всегда только так. Всегда.

Ослабляю ремешок часов, а затем и вовсе снимаю их с ру-

ки и отправляю в карман. В конце концов, это просто рекомендация. От того, что у меня сердцебиение ускорилося, я не умру.

Как раз, когда поднимаю голову, сталкиваюсь взглядом с Кирой. Не знаю, сколько она так стоит уже, но смотрит. Неотрывно. И несколько шагов назад делает, хотя я не напираю, на бордюре стою и ее взглядом пожираю. Не могу глаза отвести в сторону.

Я, пока на нее смотрю, все на хрен забываю. И то, какое она белье за мой счет купила, и как отказалась идти со мной на прием, и триста тысяч тоже. Нет, я помню, конечно, оно мимолетом в голове пролетает, напоминает о себе все разом, но я от этого отмахиваюсь. Смахиваю в сторону, как по сенсорному планшету. Перед глазами – только она. Губы ее, глазница огромные, удивленно смотрящие на меня. Все до мельчайшей подробности рассматриваю.

За секунду все меняется. Из клиники выбегает Софья и несется прямо ко мне. У нее в руках какая-то маленькая черно-белая хрень, которой она в меня тычет. Улыбается и показывает, даже говорит что-то. Я на секунду отвлекаюсь. Всего на одну, мать его, секунду, а потом, когда поворачиваю голову, Киры на прежнем месте больше нет. Осматриваюсь. Замечаю ее в толпе слева. Говорю себе не унижаться и не идти. Понятно ведь все. Возвращаю слайды с доказательствами ее меркантильности в память, сосредотачиваюсь на них, а все равно иду за ней. Шаг за шагом. Настигаю.

Не сразу понимаю, что схватил ее за руку и развернул к себе.

Она явно не ожидала, глаза на меня таращит так, что у меня холодеет все внутри. Такой ненавистью меня обливает. Непонятно только, в чем причина. Откуда это у нее? Минуту назад она так не смотрела.

Чувствую сердцебиение в ушах. Помню рекомендации кардиолога, понимаю, что часы бы сейчас уже не предупреждали – верещали бы от паники. А мне похрену. Я ее держу в руках, касаюсь, трогаю. Непонятно, почему так на ней заиклен. Думал, что отпустило, отошел, забыл, а оказывается – нет. Только сильнее кроет. Оторваться не могу. Ни взгляд отвести, ни пальцы разжать, которыми наверняка делаю ей больно.

– Отпусти, – яростно вырывается.

Я кое-как разжимаю пальцы и отпускаю ее.

– Чего тебе? – спрашивает. – Иди вон, тебя ждут, – она кивает мне куда-то за спину и, развернувшись, сбегает.

Сворачивает куда-то в закоулок, так что когда я туда добираюсь, ее уже и не видно. Преследовать ее не иду. Забираю Софью и иду к машине. Дима нас уже ждет. Со стаканчиком кофе в руке стоит на улице.

– Допьешь и поехали, – бросаю резко и открываю дверцу для Софьи.

Она молча забирается внутрь, что для нее, конечно же, странно. Она почти ничего молча не делает, тараторит по-

стоянно, так что половину трепя ее почти не слышал.

– Дима, – зову водителя. – Кофе возьми.

– Кирилл Викторович, – пытается возразить.

– Живо, – командую, но часы из кармана достаю все же.

Надеваю на руку – все так же предупреждают. Не пищат – уже хорошо. Когда забираюсь внутрь автомобиля, понимаю, что Софьи внутри нет. Выбежала, мелкая зараза, с другой стороны машины. Следом – смс-ка от нее приходит.

Софа: «Дай мне сутки. Я все брату расскажу. Хочу сообщить вначале отцу ребенка».

Беременна, значит, все-таки. Вздыхаю. Теперь она – не моя забота. Расскажу все Арсу, пусть разбирается, мать ее, со своей сестрой. Возвращает или приезжает и занимается воспитанием. Половым уже поздно, нахуевертила. Может, хоть мозги на место вставит. Арс это умеет. Софья брата как огня боится. На родителей внимания не обращает, а его боится.

– Вот, – протягивает Дима стаканчик с кофе и смотрит на меня укоризненно. – Вы уверены? – спрашивает.

– Руль, Дима, и педаль... – рявкаю. – Заводи, поехали.

Он кивает и больше ничего не пытается говорить, а я, едва сердечный ритм восстанавливается, делаю глоток кофе, рискуя повысить его снова.

Успокаиваюсь, выдыхаю, расслабляюсь. Волнения неясной этиологии меня напрягают. Я столько всего почувствовал рядом с Кирой – слов для описания не хватит. Накрыло лавиной, и от этого страшно, потому что контроль не подда-

ется. Появилось неожиданно и прошло точно так же, только досада внутри осталась. И разочарование, что ли. Неужели надеялся?

Глава 7

Кира

Забежав в какой-то ресторан, пытаюсь справиться с диким сердцебиением. Бросаю рюкзак за первый попавшийся свободный столик и, прижав к себе обменную карту, спрашиваю у всполошенного моим резким появлением официанта, где туалет. Он невнятно кивает куда-то в сторону, и я несусь туда. Надпись «WC» с картинкой дамы в платье нахожу сразу. Дергаю на себя и радостно выдыхаю, когда оказывается, что там свободно. На защелку закрываю дверь и чуть-чуть отхожу от нее. Хорошо, что здесь достаточно пространства. И зеркало большое есть, в которое я тут же пялюсь.

Покрасневшие щеки, лихорадочно горящий взгляд, искусанные алые губы и растрепанные в разные стороны волосы – мое отражение в зеркале. Я несколько раз моргаю и наконец ослабляю хватку на обменной карте, которую, как оказалось, все это время бешено прижимала к себе. Так боялась, что он увидит. Как только его взглядом нашла, так сразу же испугалась, что узнал. Папа его нашел, рассказал! Столько в этот момент вариантов всплыло – не передать.

Привожу дыхательный и сердечный ритм в покой, умыва-

юсь прохладной водой и выхожу. Аккуратно пробираюсь в зал. Мой рюкзак стоит на том же месте, где я его оставила, и меню на столе любезно раскрыто официантом. Чтобы оказаться подальше от посторонних глаз, иду в самый дальний угол кафе и оседаю там. Заказываю пиццу, чтобы не выглядеть глупо, и прошу принести мне воду и счет. Сажу минут десять. Все на дверь посматриваю каждый раз, когда та открывается.

Непонятно только, чего жду. Багров явно был не настроен за мной бегать, да и у него за спиной более важное дело имелось.

От одного воспоминания меня эмоциями накрывает. Я давлюсь ими буквально, а потому, когда официант подходит, даже спасибо сказать не могу. Сажу, как статуя. Каменное изваяние, не иначе.

Сколько той девчужке? Точно совершеннолетняя, не думаю, что Кирилл идиот, но... может, ей как раз и восемнадцать. Младше меня. Не красивее, нет. Безусловно, это не так. Она слишком... ребенок, что ли. С ним рядом смотрелась по-идиотски. Скорее как его дочь. Или младшая сестра. Мы тоже не были идеальной парой, на которую все засматриваются, но чтобы смотреться так глупо – нет. Я все же куда лучше выгляжу и умею себя подать, а она...

Боже, зачем я вообще об этом думаю? Какая мне, к черту, разница, кто там был и сколько ей лет? Но все равно думаю. В воспоминаниях раз за разом прокручиваю момент, когда

увидела, как она к нему подбегает, как снимок УЗИ ему показывает. Я сразу узнала, потому что у меня в обменной карте спрятан точно такой же.

К пище я даже не притронулась. Встаю из-за стола и, прихватив бутылку с водой, выхожу из ресторана. Мысли роятся вокруг увиденного. Слышать-то я совсем ничего не слышала. Только на него смотрела. Остальной мир – как в вакууме, где-то там далеко, за пределами моего личного кокона остался.

Я направляюсь к больнице. Ступаю аккуратно и по сторонам осматриваюсь. Надеюсь, что Кирилл уже уехал, потому что я в клинику пришла вместе с мамой, но вышла раньше, а потом и вовсе сбежала. Теперь мама обрывает мне телефон, а я не могу поднять трубку и объяснить, где я и почему ушла.

Ничего не могу. Из меня словно все соки выжали. Испили до остатка и оставили умирать от жажды.

Это конец. Конец. Всё. Никакого продолжения не будет. Нас с ним не будет.

Мой ребенок никогда не узнает своего отца, а отец не узнает, что у него есть еще малыш. Не скажу. Теперь уж точно. Не думаю даже, откуда взялась эта малолетка. У него ведь другая была. Взрослая, статная, стильная и утонченная. Я думала, он действительно на ней женится. Такая ему подходила, а эта... эта нет.

Тот выбор принять было легче. Этот – невозможно, потому что он – иррационален.

Я нехстати думаю о Лике. Неужели она чувствовала то же самое, когда он предпочел ей меня? Даже жалко ее становится, а ведь когда-то я ее ненавидела, ревновала его жутко, бесилась. Уговаривала себя, что права не имею, но все равно продолжала. Глупо. Мы обе проиграли. Оказались за бортом в угоду третьему лицу.

– Кира! – мама появляется словно из ниоткуда. Хватает меня за плечи и встряхивает. – Где ты была?

– Проголодалась, – вру. – Пиццу вот заказала.

Мама смотрит на меня удивленно. Еще бы! Оправдание, что я проголодалась, звучит так себе. Могла бы и маму те несколько минут подождать. Или ответить и позвать ее к себе, в конце концов.

– Прости, я просто... ресторанчик этот увидела, и так есть захотелось – обо всем забыла.

Мама улыбается и обнимает меня. Хвалит за хороший аппетит.

Домой возвращаемся вместе. Мама садится за руль, я забираюсь на соседнее сиденье. И по сторонам все время смотрю. Боюсь, что Багров никуда не уехал и нас с мамой увидит. Это, конечно, рано или поздно произойдет. Он увидит меня с отцом или просто узнает, кто я. Это неизбежно, но я бы хотела к этому времени уже родить. И научиться искусно врать, потому что сейчас даже в уме не придумала, что скажу, если он в лоб спросит, его ли это ребенок.

– Кирыш... – тихо обращается мама. – А отец малыша

знает, что ты беременна?

– Нет.

– Ох... – только и выдает она.

Сомневаюсь, что папа ничего ей не сказал, и только убеждаюсь в этом, когда она спрашивает:

– А как же... как... и кто он?

– Мама.

– Что? – искусственно удивляется.

– Я не скажу.

Поняв, что я все знаю, прекращает расспрашивать, чему я очень рада. Меня после встречи еще лихорадит, как от высокой температуры, пробирает озноб от одних мыслей о Багрове. Липкий пот стекает по спине маленькой струйкой.

Добравшись домой, первая выхожу из машины. Не хочу снова слушать маму. Не уверена, что смогу разговаривать и быть такой же стойкой, как и с отцом. Сразу же поднимаюсь к себе в комнату. Прячу обменную карту, словно Багров здесь может ее найти.

На принятие душа уходит минут десять, после чего я забираюсь на кровать, чтобы почитать и отвлечься. Мысли меня так и заполняют. Ядовитыми языками пробираются к разуму и норовят там разрастись, щупальца запустить с корнями. Не хочу позволять. Ни в коем случае.

Успеваю целую главу прочитать, прежде чем дверь в мою спальню с грохотом открывается. На пороге появляется отец. Злой, как и постоянно в последнее время, хотя мы с ним вро-

де как поладили.

– Готовься, Кира, свадьба через две недели, – сообщает сухо.

– Я уже говорила, что не выйду замуж за Тагаева.

Поверить не могу, что отец снова к этому вопросу возвращается. Он ведь обещал... впрочем... он обещал, что ни слова не скажет об аборте и не будет настаивать на том, чтобы я сказала, кто отец. Я ведь... я даже возраст ему не сказала. Струсил и сбежала тогда из кухни.

– Не за него ты замуж выходишь, Кира. За отца ребенка.

Я сглатываю. Внутри что-то будто обрывается и тут же взмывает вверх. За секунду это происходит. Я от волнения едва ворочаю языком и вспоминаю слова.

– За кого, папа?

Мне нужно это спросить, услышать. Быть уверенной, что папа не пытается вытащить из меня имя отца моего ребенка, которое я держу в тайне. Имя мужчины почти вдвое старше меня. Он – взрослее и опытнее. А еще он совершенно точно не хотел детей.

– За Кирилла Багрова, конечно. Или ты забыла, от кого беременна?

Бах-бах-бах... снова и снова стучит мое сердце. За Кирилла Багрова. За Кирилла. Я даже ощутимо щипаю себя за руку, чтобы убедиться, что не сплю. Это ведь только сон может быть, ничего больше. Багров сегодня приехал в клинику с другой, она радостно сообщала ему, что беременна. Во

всяком случае, держала снимок УЗИ.

– Папа... – выдыхаю, не зная, что говорить.

– Об этом позже поговорим, Кира. Я пока не готов обсуждать твою связь с Багровым... – он замолкает, а затем, не сдержавшись, ударяет ладонью по дверной коробке.

Я начинаю думать, что он будет спрашивать. Прямо сейчас потребует ответа, но отец отворачивается и говорит:

– Потом.

Оставляет меня одну с этими мыслями. Тихо прикрывает дверь. Замуж за Багрова. Уже? Сейчас? Как так быстро? Неужели... неужели он подходил ко мне, чтобы поговорить об этом? И ничего не сказал! Ни слова не произнес.

Не в состоянии сидеть на одном месте, срываюсь с кровати и начинаю ходить по комнате. Туда-сюда шагаю. Раздумываю о сказанных отцом словах. Меня столько эмоций переполняет. И радость, и смутение, и даже растерянность. А еще болью окатывает, как холодной водой из ведра. Крупной дрожью пробивает все тело. Кирилл ведь планировал свадьбу с другой. Жениться на ней хотел, а теперь... теперь что? Я снова заняла место Лики? А теперь, может, и еще одной девушки. Той самой, которая бежала к нему со снимком.

В какой-то момент порываюсь пойти к отцу, чтобы серьезно поговорить. Мне нужно узнать, как так вышло, что Багров решил жениться. Неужели... неужели папа его заставил? Приказал? Пригрозил? Не нужна мне такая свадьба! Я люблю его всем сердцем и равнодушия вперемешку со злостью

и крупинкой безысходности не перенесу.

Глава 8

Кирилл

– Ты, мать твою, где? – рывкает отец, стоит мне ответить на звонок.

– Что, прости?

За все свои тридцать пять лет я ни разу не слышал такого обращения отца ко мне. Подобная участь миновала меня сразу, как отец решил сделать меня преемником, руководителем его компании. С братьями, конечно, дело обстояло иначе. Там я и не такого наслушался, но что Саша, что Глеб вели разгульный образ жизни, а отец все время пытался их вразумить.

Саша остепенился не так давно, перестал кутить по клубам, взялся за голову и работает, да и Глеб вроде как тоже. По крайней мере, я совсем недавно у него был, вытаскивал из передраги. Удивился, когда узнал, что его подставили, и в тюрьме он оказался ошибочно. Да и девочка у него неплохая, не одна из тех, кто обычно у него бывает. Кажется, и этот брат пришел в себя и взялся за голову.

– Ты слышал, – басит отец в трубку. – Я в кабинете сижу, жду. Секретарша сказала, ты с бабой какой-то уехал.

– Допустим. Я не могу покинуть рабочее место? Что за тон, отец?

– Ты приезжай, – слегка смягчается. – Приезжай, я тебе, блядь, такой тон покажу...

Отец бросает трубку, а я еще некоторое время растерянно смотрю на экран телефона. Однако все же еду в офис. Все-таки именно туда я и собирался, пока не позвонил отец.

Не спеша захожу в лифт, поднимаюсь на свой этаж и захожу в приемную. Диана тут же поднимается со своего места и, запинаясь, сообщает, что в кабинете меня ждет Виктор Николаевич. Даже здесь отец успел нагнать страху. Диана едва ли не трясется вся, а я ее на работу брал из-за стрессоустойчивости и адекватности. Что он с ней сделал?

Когда захожу в кабинет, сразу понимаю, что отец в ярости. Мой настольный маятник отбивает размеренный ритм и отражает тишину негромким постукиванием. Рядом еще один антистресс крутится вокруг своей оси и обратно. По разъяренному взгляду отца, которым он на меня смотрит, понимаю, что успокоиться они ему не помогли.

– Что случилось? – спрашиваю.

Не помню, чтобы за те дни, что мы не виделись, произошло что-то из ряда вон выходящее. Груз по-прежнему не отдают, мы все так же теряем деньги. Да и тогда отец не выглядел таким недовольным, как сейчас. Тут что-то другое.

При виде меня он встает из моего кресла и обходит стол. Предоставляет мне возможность сесть на свое место. И мол-

чит. Ходит взад-вперед, тяжело дышит. Я в это время кучу возможных вариантов в голове просчитал, начиная от потери денег и заканчивая банкротством. Его нам один из журналистов сулил, но, по моим данным, этого не произойдет, даже если мы будем простаивать по всем объектам, а не по одному, как это происходит сейчас.

– Так в чем дело? – тороплю отца.

Он останавливается аккуратно напротив моего стола и швыряет передо мной с десятков фотографий. На всех них мы с Кирой. Понятия не имею, кто их делал, зачем и почему до сегодняшнего дня они не всплыли, но я удивляюсь. Несколько месяцев назад на этом можно было неплохо сыграть, раздуть целый скандал, а сейчас... ничего не осталось. Пламя превратилось в жаркие угли, которые, надо заметить, еще тлеют. Думал, что давно нет, а увидел ее сегодня и понял, что не забыл. Реагирую на нее так же остро.

– Что это? – спрашиваю почти спокойно.

Почти, потому что при виде фотографий внутри что-то неприятно екает. Дергает, не позволяя свободно дышать, словно сковывает.

– Ты еще и спрашиваешь? – восклицает. – Ты хоть представляешь, чем нам это обернется?

– Между нами давно ничего нет, – отсекаю. – Мы два месяца не виделись и не общались. Не вижу проблемы.

– Не видишь проблемы? – отец переходит не на крик, нет, он слегка голос повышает, но сам оттенок какой-то будто за-

могильный... глухой, сиплый. – Ты, мать твою, совсем охуел?

Вдобавок к словам он с силой впечатывает ладонь в столешницу. На этом я встаю со своего стула и возвышаюсь над отцом, имея зрительное и физическое преимущество. Хочу, чтобы отец вспомнил, что я не тот сын, с которым он может себе позволить так разговаривать. Судя по крепко сжатым челюстям, это срабатывает. По крайней мере, дальше отец говорит уже тише, только вот *что* он говорит:

– Я не буду спрашивать, зачем ты вообще к ней полез. Я спрошу – как так вышло, что она ждет от тебя ребенка?

Вот теперь я понимаю злость отца и его состояние. Еще не знаю, что чувствую после его вопроса. Смятение, растерянность, непонимание. Мы ведь... предохранялись. Вспоминаю тот единственный раз в душе, но после она при мне выпила таблетку, разве что...

Делаю глубокий вдох и выдыхаю, восстанавливаю дыхание и сердечный ритм, который разогнался еще после фотографий. Беременность. Какая, к черту, беременность, и откуда отцу об этом известно?

– Откуда ты узнал о беременности?

– От ее отца, вестимо... Объясни мне, Кирилл... Почему так трудно держать член в штанах тогда, когда это необходимо? Она ведь девочка совсем. Молоденькая, неопытная. Красивая – безусловно. Слепой разве что не заметит, какая она, но ты ведь не мог не понимать, что такая, как она, долж-

на тусить в клубах и знакомиться с молодыми парнями. А ты... ты ей едва ли не в отцы годишься.

Его слова режут мне слух, потому что в отцы Кире я уж точно не гожусь. Пятнадцать лет разница большая, но не огромная.

Отец садится в кресло напротив. Я – следом в свое. Сидим молча, каждый думая о своем. Я абсолютно не понимаю, как так вышло, что Кира забеременела. Она, помнится, детей не хотела точно так же, как и я. Да и какие ей дети? В двадцать лет, отец прав, ей гулять нужно. Теперь я думаю, что зря вообще ее трогал. Не стоило. В первый раз – ладно, но потом... у нее вся жизнь впереди, а я эту часть уже прожил.

– Ты женишься на ней, – выдает отец самое бредовое, что я слышал в своей жизни. – В ближайшее время сообщим о свадьбе прессе и назначим дату.

– Никакой свадьбы не будет! О беременности до сегодняшнего дня я понятия не имел. Переспал – да, было. Ребенка я не планировал, свадьбу тем более. Никаких проблем в обеспечении и ее, и ребенка не будет. Если нуждается в жилье – куплю, – выдаю на одном дыхании.

Я пока не знаю, что чувствую. Все эмоции словно на паузу поставлены. В голове только одно – Кира беременна, и нам придется видаться. Снова.

– Ты соображаешь, что говоришь? – рявкает отец. – Надеешься откупиться квартирой? А от прессы ты тоже квартирами откупаться будешь?

– Прессе знать необязательно.

– Они *будут* знать, – акцентирует отец. – За каждым месяцем ее беременности будут следить. Не удивлюсь, если к ее родам кто-то из этих акул просочится в родзал. Ты что, не понимаешь? У тебя один выход – женитьба.

– Я не стану.

– Станешь, – давит отец. – Ты хоть представляешь, что сделает ее отец, если ты откажешься?

Я на несколько мгновений зависаю. Не понимаю, что именно мне должен сделать отец Киры. Насколько я знаю, она девушка не из богатой семьи, стало быть, там связей нет. Но папа переживает так, словно там дочь самого президента.

– Он в порошок тебя сотрет. И меня следом. А у нас еще есть компания. И ему, между прочим, многое известно о том, как я начинал и строил бизнес. Ты же не думаешь, что эта махина на чистой совести построена? – уточняет.

– Не понимаю. Вы что... знакомы?

– Кто – мы?

– Ты и отец Киры?

Несколько мгновений отец смотрит на меня, как на умственно отсталого.

– Что с тобой, Кирилл? – спрашивает, прикрывая глаза и потирая переносицу.

Только сейчас я замечаю, как сильно он постарел за последний год. У нас с ним не так часто было время, чтобы видеться, и чаще я приходил на праздники, отсиживал поло-

женный час и сбегал. А теперь, при свете дня и в разговоре, замечаю глубокие морщины вокруг глаз, почти полностью седые волосы, осунувшееся лицо. Нет, безусловно, отец выглядит хорошо. Подтянутым и спортивным, но есть моменты, которые, к сожалению, невозможно скрыть.

— Это с тобой что? — не выдерживаю, хотя тон, конечно, упрощаю. Не хочу ссориться с родным человеком из-за своих косяков. В конце концов, все можно решить. — Приходишь с фотографиями и требуешь жениться на первой встречной.

— Это, — отец тычет в фотографию на столе. — Кира Арбатова. Мозгами нужно было думать, прежде чем тащить ее в постель. А теперь — ты женишься, или вот это все, — он обводит взглядом кабинет, — я заберу обратно. И ты никогда не получишь управление компанией.

Я не знаю, что шокирует меня больше. То, что отец собирается лишить меня компании, изучению которой я посвятил последние двадцать лет, или то, что девушка, сама подошедшая к моему столику — не бедная официантка, а Арбатова. Та самая наследница компании, с которой я планировал договориться, когда ее отец пойдет на покой.

Какого, спрашивается, хера? Последний раз я ее лет шесть назад видел. Мелкую совсем еще. А вот она... она-то точно знала, кто я такой. И беременность эта...

Поверить не могу, что Арбатов подослал ко мне свою дочь, чтобы договориться.

Глава 9

Кирилл

Чтобы хоть немного сбросить напряжение от последних новостей, соглашаюсь на предложение Богдана пойти в клуб. Он знает, что я терпеть эти шумные заведения не могу, но все равно звонит и приглашает. На этот раз – соглашаюсь, чувствуя, что не справлюсь с эмоциями и тут же к Арбатову домой поеду. А там и к Кире загляну. Неделью держался, но сегодня чувствую, что не справляюсь и могу наломать дров.

Эмоции разрывают на части, тянут каждая в свою сторону. Их так много, что в какой-то момент начинаю чувствовать себя воздушным шаром, который все никак не прекратят надувать. Ослепляющая ярость, жгучая боль, необъяснимая тревога и, наконец, неконтролируемое желание. Я, как Киру там, у клиники, увидел, был ослеплен им буквально. Тянуло к ней как магнитом. Хотелось в ту же минуту схватить за плечи и затолкать в машину.

Я бы так и сделал, если бы она не сбежала. Забыл бы наверняка о деньгах и вообще обо всем. Тогда точно забыл бы. Теперь уже не получится.

Чем больше думаю о предстоящей свадьбе, тем больше

страх нагоняет. Вряд ли получится находиться с ней рядом и не чувствовать ничего. Остаться равнодушным и с холодной головой рядом с такой дикой Кирой будет непросто, и я совсем не уверен, что это мне под силу. Впрочем, никто ведь не обяжет нас жить вместе. Хотя... иначе и не будет. Не представляю, что отпущу свою жену жить отдельно. Интересно, как она относится к новости? Ей наверняка уже все рассказали. Был ли у нее выбор? Или ее так же, как и меня, поставили перед фактом и пригрозили? Судя по тому, с какой легкостью она в прошлый раз отказалась от дорогого шмотья и ресторанов – Арбатову грозить нечем. Даже интересно...

Клуб, в который меня позвал Богдан, встречает двумя мордоротами на входе. Окинув меня взглядом, расступаются, пропуская внутрь. Сегодня я без костюма. В потертых джинсах и футболке, судя по равнодушным лицам фейсконтроля – для клуба подходит. Единственное условие, которое я поставил перед Богданом – встречаемся не в моем клубе. Там слишком много ненужных воспоминаний. Да и знают меня хорошо, а сегодня я хочу уйти в забытие.

Не уверен, что буду соблюдать лимит алкоголя и сигарет. На хрен все.

Заранее часы снял, чтобы лишний раз не пищали, когда сердце снова наберет разгон.

Третью вип-кабинку нахожу не сразу, но уже вижу за столиком Богдана, Тараса и Сашу. Брату удивляюсь больше все-

го. Саша вроде как больше по клубам не тусит, хотя... я вот тоже, а сегодня здесь.

– Кирилл! – первым меня замечает Тар.

Идет навстречу, протягивает руку для пожатия и хлопает меня по плечу. Дальше – Богдан и последним – Саша.

– А ты чего тут? – спрашиваю у брата.

– Да как-то устал от работы, – смеется Саша. – Решил один раз выйти, тем более, Богдан сказал, ты будешь. Такое уж я пропустить не мог. Чтобы сам наследник империи Багровых – и почтил нас присутствием! – подкалывает.

– Могу себе позволить, – отвечаю.

– Стряслось чего? – спрашивает Тар, замечая, видимо, мое напряжение.

– Порядок. Кое-какие проблемы, но решаемо.

О свадьбе не говорю, молчу. Сам пока ничего не знаю. Неделя прошла с разговора с отцом. И он мне каждый день звонит, требует, чтобы я назначил дату и поговорил наконец с Арбатовым. Ждет, мол, тесть решительного шага. Подождет, блдъ, до момента, пока я буду в состоянии терпеть его за столом без дикой жажды придушить голыми руками.

Но больше, конечно, не из-за него не иду. Из-за нее. Боюсь, что сдержаться будет сложно, а лишнего Кире наговорить не хочется. Терпеть не могу извиняться, поэтому и откладываю встречу, выигрываю время, чтобы окончательно остыть. К ней с холодной головой идти нужно, спокойным, уравновешенным. Я всего пару вопросов ей задам, и к отве-

там надо подготовиться. Хотя бы морально.

– А ты хмурый чего? – спрашиваю у Тараса.

Последний раз мы с ним общались еще там, в домике, куда я приезжал с Кирой. Сегодня он один, так что можем разговаривать по-мужски.

– Развожусь вот... – ошарашивает новостью.

– Не понял...

– На развод подал, Кирилл. Развожусь с Леной.

– Это я понял. Почему?

– Пора.

Больше ничего не говорит. Скрытничает. Думаю, все не так просто, как он хочет показать, и за его разводом с Леной стоит гораздо больше, чем просто «пора». Пропустив пару бокалов виски, разговариваем с ребятами более свободно. Я отвлекаюсь.

– Скоро все здесь холостяками будем, – радостно сообщает Богдан. – Тар разведется – и все, можно как раньше тусить.

Не можно, но я молчу. Хочу новость о своей свадьбе как можно дольше держать в секрете. Не уверен, что готов ее обсуждать в принципе.

– Погоди говорить, – смеется Тар. – Процесс развода у нас, вероятно, затянется, а за это время кто-то из присутствующих жениться может.

– Да кто?! – хохочет Богдан. – Все холостяки вот... это ты со своей Леной еще когда женился. Че вы, кстати, поспешили?

– Любил, – спокойно говорит Тар.

– И разлюбил?

Тарас мастерски переводит тему, оставляя вопрос открытым. Разговор уходит в другое русло. Никаких отношений, свадеб, рождений детей.

Ощущение личного армагеддона слегка смывается, успокаиваюсь, правда, ровно до тех пор, пока не поворачиваю голову в сторону и не смотрю на танцпол. Там, почти в самом центре, призывно виляя бедрами, танцует Кира. Пока не могу ассоциировать ее с Арбатовой. С той маленькой девочкой, которой она была лет шесть назад. Выросла, конечно, и изменилась.

Я на несколько мгновений зависаю на ней, жадно осматриваю с головы до ног, а затем... закипаю. Опрокидываю стакан с виски в себя, сглатываю, чувствуя, как обжигает горло. Снова смотрю. Она. Ошибки быть не может.

Значит, вот как...

Пока меня под угрозой лишить компании заставляют жеваться, принцесса Арбатова развлекается. Ей, судя по энергичным движениям, пиздец как весело. А по одежде вообще можно сказать, что она пришла сюда, чтобы уйти с кем-то. Вызывающе короткое платье с оголенной спиной. Вот и вся одежда. Живота у нее, конечно же, не видно. Срок маленький.

– Кирилл, – отвлекает Богдан. – Ты слушаешь?

– Пойду к бару, – говорю. – Виски возьму.

Об осторожности я напрочь забываю. Ноги к ней сами несут, хотя понятия не имею, ни что говорить, ни что делать собираюсь. Останавливаюсь в каких-то метрах и наблюдать продолжаю. Она с какими-то девчонками. Не вижу среди них ту, с которой она в ресторане работала, да и выглядят они прожженными тусовщицами. Дорогая одежда, надутые губы, наращенные волосы до задницы. Финансово – ее уровень, в общем, хотя Кира выглядит иначе.

Она меня не замечает. Прыгает, веселится, призывно виляет бедрами. Не успеваю моргнуть, как к ней какой-то парень пристраивается сзади. Лапищи свои кладет ей на талию и жмет к себе. Кира замирает и отталкивает его, что-то даже говорит. Улыбается при этом, значит, точно ее знакомый. Чувствую, как этот факт меня расчленяет на кусочки. Разбрасывает каждую по разным сторонам. Мысли воедино собрать пытаюсь, но не получается. Перед глазами словно пелена. Нервы накалены до предела.

Она, блдъ, жена моя будущая. Носит под сердцем моего ребенка и тут вот... тусит в клубе с девочками явно легкого поведения, позволяет парням себя трогать. Если она еще и пила...

Я за секунды рядом оказываюсь. За руку ее хватаю и к себе разворачиваю. Не сильно, конечно, силу, к счастью, контролирую неплохо. Понимаю, что, несмотря на злость, нужно к ней мягче. Она хрупкая и нежная.

Блдь...

Ее губы вырисовывают «О», но вслух она ничего не произносит. Молчит и смотрит на меня расширенными от ужаса глазами. Не ожидала, конечно, увидеть. А я не думал, что подойду. Рано мне, рано с ней разговаривать, иначе натворим сейчас и наговорим лишнего.

Уже поздно, конечно. Я держу ее за руку, она губы облизывает и гордо вскидывает голову. Меня же натуральным образом кроет. Я с ней трезвым и остывшим разговаривать планировал, а сейчас в крови бушует алкоголь, а в душе тона эмоций. Они безумным весом давят на грудь, вдохнуть почти не получается.

– Ну привет, – первой находится Кира, – будущий муж.

Глава 10

Кира

Когда в поле моего зрения попадает Багров, я больше ни о ком и ни о чем не могу думать. Весь окружающий мир для меня существовать перестает. Поэтому когда слышу чей-то голос, не сразу понимаю, кому он принадлежит и откуда доносится.

– Кира... – меня дергают за плечо, возвращая в реальность. – Ты слышишь? Кто это?

Демьян в этом клубе оказался не случайно. Его, как я потом узнала, девчонки позвали. Сказали, мы давно не собирались и не тусили вместе. По правде, я бы его вообще не видела, настолько Тагаев мне противен. Но и в открытую это отворачивание не покажешь – у него слишком влиятельный отец, который одним щелчком может оставить всю мою семью с голым задом.

– Все нормально, Дем... это знакомый.

Вижу, как после моих слов во взгляде Кирилла что-то нехорошее загорается. Все замечаю, каждое изменение его настроения, хотя оно у него и так ни к черту. Злой, нервный, возбужденный, недовольный... и все эти эмоции точно на

меня направлены. А теперь в поле его зрения еще и Демьян попадает.

– Ты уверена? – переспрашивает, удерживая меня за свободную руку.

– Да... отпусти.

Демьян разжимает пальцы, и мне становится легче. Свободней. Тагаев сегодня не под кайфом, поэтому к просьбам прислушивается, хотя и смотрит на нас подозрительно. Я же... стараюсь быстрее внимание Кирилла от Тагаева отвести. Не хватало еще, чтобы между ними конфликт произошел. С меня отец потом шкуру живьем спустит, я и так похерила его планы выдать меня замуж за Тагаева.

Как только конфликт решается, и я остаюсь без цепкого захвата Демьяна, Кирилл молча начинает вести меня к выходу. Ни слова не говорит, но настойчиво пробирается сквозь толпу. К Демьяну интерес потерян, а вот ко мне, судя по всему, нет.

– Эй... – кричу ему. – Отпусти, я сама способна идти.

Ни слова в ответ. Ноль реакций. Он продолжает быстро идти, а я едва ли не бегу, чтобы поспевать за ним.

Пока пытаюсь понять, зачем я вдруг понадобилась Кириллу и куда он меня тащит, он не теряет времени, выводит меня на улицу и ведет на парковку, где открывает для меня дверь черного седана. Вынуждает забраться внутрь. Хотя... я сама залезаю, не сопротивляюсь.

– Здравствуйте, Кира, – со мной здоровается Дима, кото-

рого Кирилл тут же отправляет восвояси грубым:

– Погуляй.

И всё. Всё!

Дима выходит, Кирилл садится в машину следом и с громким хлопком закрывает дверцу. Мне почему-то больше не весело, хотя и там, в клубе, не было. Когда его увидела, волна такая в груди поднялась – неконтролируемая. Все внутри меня жаром заполнилось и радостью. Несмотря на хмурого и недовольного Кирилла, именно радостью. Я ведь не боюсь его даже, хотя чувствую, что он неспокоен и наверняка еще выпил. Не могу понять так сразу.

– Не думала, что для встречи с тобой нужно прийти в клуб, – выдаю на автомате.

Почти себя не контролирую рядом с ним. У меня все рецепторы накалены до предела, мурашками все тело покрылось, хотя мне не холодно, наоборот даже.

– Ты пила?

Я замираю на несколько мгновений. Растерянно смотрю на Кирилла. Пока пытаюсь обдумать то, что он только что сказал, он переспрашивает снова.

– Ты пила?

– Вот как ты обо мне думаешь, – закипаю.

– Отвечай!

– Пила, да, – выдыхаю. – И курила еще. А что?

Его глаза расширяются в удивлении, а затем он обхватывает пальцами мои щеки и приближается. Из моего рта вы-

рывается рваный выдох, и Кирилл тут же его вдыхает. Отпускает сразу.

– Врешь зачем?

– Как ты мог подумать, что я пила?

– Я и про Арбатову подумать не мог, – зло выдает. – Ты... ты же все время знала. Зачем?

Не думала, что спросит так быстро. Вообще не думала, что об этом разговаривать будем, поэтому замираю. Не знаю, что говорить. Как отвечать на такой вопрос? Говорить ему о любви сейчас, когда между нами столько всего произошло, когда внутри меня горит обида, когда он так со мной разговаривает, считаю неуместным. Плечами пожимаю и выдаю:

– Захотелось. Понравился. Давно нравился.

– Решила закрыть гештальт?

– Типа того. Я не думала, что все так далеко зайдет.

– Твою мать...

Кирилл отворачивается, я ежусь. Только сейчас наконец доходит, что он едва сдерживается. У меня появляется возможность его рассмотреть. Вижу подрагивание рук, вибрирующую от дикого пульса венку на шее. Он от меня отвернулся, но я почему-то уверена, что взгляд у него безумный. Недовольный определенно.

– Кирилл...

Я едва ощутимо касаюсь его ладони. Не получив никакого ответа, смелею и веду пальчиками дальше, глубже, дохожу до ребра ладони и сжимаю. Или мне кажется, или он делает

то же самое. Выврать руку не пытается. Так и сидим в абсолютной тишине и в полутьме, держась за руки и оглушая тишину диким биением сердец.

– Я не хотела, чтобы все так, – говорю ему. – Не хотела. Я же тебя... я...

Не могу сказать, потому что он оборачивается. Смотрит на меня цепким взглядом, в самую душу заглядывает, я уверена. Вот как ему сказать? Как признаться? Он поверит разве?

– Молчи, – рассекает словами воздух.

Я киваю. Затыкаюсь. За руки больше не держимся, потому что Кирилл от меня отгораживается. Открывает окно и, достав пачку сигарет из кармана пиджака, прикуривает одну. Выпускает облако дыма наружу, но я все равно чувствую. Вдыхаю. Говорят, если вдыхать табачный дым, невольно становишься пассивным курильщиком, но для меня запах сигарет априори связан с ним. Острый дым задевает горло, и я закашливаюсь.

– Сиди здесь, – командует и выходит из машины.

Оставляет меня и докуривает снаружи. Не уверена, что ему помогает. Движения такие же нервные, взгляд слегка безумный. Мне не страшно с ним рядом, конечно, но немного неприятно, что он так на меня реагирует. Я его другим запомнила. Не нежным и совсем не романтичным, но он был... особенным. Теплым, страстным, горячим. Он смотрел на меня так, что поджилки тряслись, и сердце заходило в бе-

шеном ритме. Сейчас взгляд другой совершенно. Темный, густой, пронизывающий и вскрывающий до костей. Я душу вывернуть готова, когда он вот так... на меня...

Звук открываемой дверцы, вихрь прохладного воздуха и треск защелки. Кирилл снова в машине, рядом со мной. Дышит спокойнее и на меня не смотрит.

– Расскажи мне все.

– Что? – говорю на выдохе.

– Ты знаешь.

– Не понимаю.

– Зачем, Кира? Ты знала, кто я такой. За те годы, что мы не виделись, я не сильно-то изменился, а вот ты... – он ко мне поворачивается, взглядом сканирует. – Ты другая совершенно. Я... понятия не имел, кто ты. Отец настоял?

– Что? – выпадаю в осадок. – Нет! Он... понятия не имел!

Кирилл шумно выдыхает. Не верит. А я не знаю, как его убедить, что сказать, чтобы не сомневался. В любви признаться? Не буду я! После того, как видела его с той девочкой.

– Какая разница сейчас почему? – рублю. – Я подошла, ты согласился, мы переспали.

– Теперь ты беременна. Так удачно складывается, да? И ни капли расчета. Ты идиотом меня считаешь? – последний вопрос повышенным тоном.

– А ты? – интересуюсь. – Я видела тебя у больницы с другой. Она тебе о беременности сообщала. На ней не женишь-

ся? – язвлю и тоже тон повышаю.

– На тебе женюсь. Все, как и хотела.

– А она? – настаиваю. – И тот ребенок? Я не буду его воспитывать!

Одна мысль, что мне придется делить Багрова с еще одной женщиной, внутри что-то необъяснимое пробуждает. А если еще и ребенок... Лучше вообще без него, чем так!

– Не молчи! – толкаю Кирилла в плечо.

Еще раз и еще. Хочу его расшевелить, чтобы объяснил мне. Он ведь жениться на мне собрался, как видит наше будущее? Как? Наша с малышом семья и еще одна за пределами дома? Не бывать этому!

– Что ты хочешь услышать?

– Что угодно! Отец сказал, я замуж за тебя выйду. Прежде чем согласиться, хочу знать, как ты решишь с ней вопрос.

– Или что? – добивает меня вопросом. – Или, мать твою, что, Кира?

– Или ничего, – выдыхаю, а самой кажется, что умираю. – Ничего, Кирилл. Никакой свадьбы, никакого тебя в моей... в нашей жизни.

– Замуж за меня не хочешь?

– Если с ней – вообще тебя не хочу, слышишь? Не хочу тебя!

Я все барьеры между нами нарушаю. Расстояние сокращаю произвольно, выкрикиваю все это в паре сантиметров от его лица. Хочу, чтобы понял, что я не буду его делить. Не

буду! Хочу замуж за него безумно. И люблю тоже, но с другой... ни за что! Не смогу я.

– Ты меня слышишь? – давлю и толкаю его аккуратно. – Не хочу!

– Точно? – разворачивается и оказывается близко.

Так близко, что дыхание спирает. Сантиметры между нашими лицами. И спрашивает он серьезно, словно после моего ответа судьбу нашу решит. Откажется от свадьбы? Точно откажется... не станет терпеть мои истерики. Я и сама не знаю, зачем его довожу, зачем повышаю тон и говорю все это. Не могу себе объяснить. Как вспомнила его с ней – так и пелена перед глазами. Ненависть жгучая заполнила меня до краев.

– Не точно... – шепчу.

– Так вот, прежде чем говорить, думай, готова ли выполнить.

– Другой женщины у тебя не будет!

– Я разрешения не спрашивал.

– То есть... – я запинаюсь. – Ты собираешься на мне жениться и с ней... видеться?

– Нет никакой ее, – говорит уже спокойнее.

Отстраняется, расстояние между нами увеличивается.

– Девушка, которую ты видела – сестра хорошего друга. Попросила с ней съездить.

– Ребенок не твой? – уточняю.

– Не мой.

Мне сразу же хочется извиниться за свою истерику. Объяснить ему, что большую часть времени я себя не контролирую. Вспыхиваю, как спичка, говорю, а затем жалею. Особенно сейчас, когда я целую неделю знаю, что он на мне жеманится, и не получаю от него ни слова, ни звонка, ни даже смс-ки. Ничего. Полная тишина до сегодняшнего дня.

Я же... я извела себя предположениями, мыслями и сомнениями. Пару раз к нему порывалась поехать, прорваться в компанию и поговорить. Мне нужно было знать, что будет дальше. И вот этот разговор, его претензии. Разве я заслужила? То есть... заслужила, конечно.

– Я не хотела тебе врать, просто... потом уже не знала, как сказать. Я... мне было хорошо, – придвигаясь к нему ближе, говорю шепотом. – Я знала, что как только скажу – все закончится.

– Уже закончилось, – говорит твердо.

– Все только начинается, – обещаю ему.

Глава 11

Кирилл

– Это всё? – спрашивает, с вызовом глядя мне в глаза.

– Что всё?

– Всё, что ты хотел сказать? Если да, то меня друзья ждут.

Она не ждет моего ответа, жмет на кнопку и толкает дверь. Хватаю ее за руку и тяну обратно.

– Ты туда не пойдешь.

– Это почему? – хмурится.

– Потому что поздно. И потому что ты моя будущая жена.

Она округляет глаза, затем цокает языком. Явно недовольна таким положением вещей. Я ее понимаю, конечно, но отпустить в клуб обратно не могу. Помню чужие руки на ее теле.

– С каких пор запрещен поход в клуб? – удивляется. – Или ты под замок меня посадишь?

Ее тон язвительный, саркастический, высокомерный. И взгляд мечет молнии. В какой-то момент кажется, что Кира устроит истерику, но она молчит. Ответа ждет, которого у меня нет.

– Поздно уже, – пытаюсь говорить спокойно. – Домой по-

ехали, отвезу.

– Я. Не. Поеду. Домой, – говорит с интервалами между словами. Намеренно паузу делает, чтобы я услышал.

– Ладно, – соглашаюсь. – Пошли.

Мы вместе выходим из машины и идем к клубу. Кира явно недовольна, но молчит, шагает рядом. Уже внутри спрашивает:

– Что дальше? Танцевать со мной пойдешь?

– Нет. Но присматривать за тобой буду.

– Откуда? – осматривается в ожидании, что я ей укажу место.

– Неважно. Иди, друзья ждут.

Сердито цокнув языком, следует к танцполу к своим девочкам. Оборачивается, пытаюсь найти меня взглядом, но я уже скрылся в толпе. Иду к кабинке, к мужикам.

– Где был? – уточняет Тар. – Мы думали, ты ушел по-английски.

– Встретил кое-кого, – отмахиваюсь.

– Отшила? – хмыкает Богдан, а получив мой удивленный взгляд, выдает: – Да ладно тебе, видел, как ты Киру свою в машину сажал. Я думал, вы уже не вместе.

– Какую Киру? – интересуется Саша.

Пару месяцев назад мы с Кирой приехали в загородный домик. Ни Саша, ни Глеб тогда не приехали. Не получилось у них, поэтому о Кире знают только Богдан и Тар. И, если уж быть честным, сейчас не хочется ни с кем делиться. Я

в принципе не сильно разговорчив, а здесь... рассказать о самом факте отношений с Кирой, о расставании, о ребенке, о шантаже отца?

– Просто знакомая.

Богдан и Тар тихо ржут, поэтому Саша смотрит на них подозрительно.

– Потом как-нибудь, – отмахиваюсь.

Поворачиваю голову в сторону, ищу Киру глазами в том месте, где она всего пару минут назад танцевала с девчонками. Ни ее, ни их не вижу. Даже парня, который позволил себе лапать то, что ему не принадлежит, не нахожу.

Злюсь, конечно. Просил ведь.

– Я попрощаться пришел, – сообщаю, поднимаясь.

– А виски? – удивляется Саша.

– Заказал машинально. Не буду.

– Ты в отрыв собирался, – замечает Богдан.

Я ему по телефону обмолвился, теперь вот жалею, потому что понятно уже, что никакого отрыва не будет. Мне это нужно было, чтобы успокоиться, а вышло наоборот. Я лишь сильнее напрягся после разговора с Кирой, а теперь она пропала с поля моего зрения.

Мы наспех прощаемся. Я понимаю, что Киру наверняка уже не найду, но спешу. Обхожу танцпол по кругу, ищу ее, но не вижу. Иду на улицу, на парковку, но и там ожидаемо не нахожу Киру. Решив оставить это на завтра, иду к своему автомобилю – и каково же мое удивление, когда я застаю в са-

лоне не только Диму, но и Арбатову собственной персоной. Она наверняка что-то рассказывала и смеялась, но при виде меня улыбка сходит с ее лица, и Кира хмурится. Подальше к двери отодвигается и отворачивается.

– К чему эти сцены? – спрашиваю, захлопывая за собой дверь.

– О чем ты?

– Зачем сюда ушла?

– Передумала тусить, – пожимает плечами.

На деле же вижу, как Кира улыбку прячет. Ну, еще бы... Она ушла минут пять, может, десять назад, а я уже здесь, сижу рядом с ней. Отворачиваюсь, чтобы не бороться с желанием сомкнуть руки на ее шее, и команду Диме ехать к дому Арбатовых. Переночую сегодня у родителей, они живут неподалеку. В квартиру уже не поеду, хотя можно было попросить Диму отвезти меня, а затем Киру. Решаю сделать это сам. Она девушка изобретательная, не удивлюсь, если обведет его вокруг пальца и сбежит где-нибудь на полпути. Ищи ее потом и думай, все ли в порядке.

Едем практически в тишине. Время от времени Кира шумно и театрально вздыхает. Показуху устраивает, мать ее... На полпути не выдерживаю:

– Все в порядке?

– В смысле? – поворачивается и глаза закатывает.

– В прямом. Ты точно не пила?

– Еще раз дыхнуть? – придвигается и губы свои призыв-

но открывает. Облизывает прямо поверх бордовой помады языком.

У меня на этот банальный жест встает как по команде. Я слишком хорошо помню ее язык на своем члене, чтобы остаться равнодушным. Сцепив зубы, отворачиваюсь, чувствую, как желваки ходят на лице. Сдерживаюсь, чтобы на рот ее не наброситься и не повторить то, что между нами уже было. Ни к чему усложнять и без того непростые отношения, хотя в голове доминирует одна мысль – совсем скоро она станет моей женой.

– Что будет дальше? – спрашивает Кира, когда мы заезжаем в поселок.

– Пойдешь домой спать.

– Я не об этом, – хмурится. – Ты собрался на мне жениться. Думал ведь, какой будет наша жизнь?

– Нет, – отвечаю честно, потому что до сих пор понятия не имею, как все сложится.

– Совсем? – удивляется. – К чему тогда свадьба?

– Кто сказал, что я хочу свадьбу, Кира? У меня, мать твою, нет выбора.

Почти сразу машина останавливается. В окно вижу, что мы приехали. Кира после моих слов будто поникает. Отворачивается и, открыв дверцу, выходит на улицу. Я двигаюсь следом, хотя встречаться сегодня с Арбатовым не хочу.

– Я не буду отказываться от свадьбы, – говорит она неожиданно. – Если не хочешь – сделай это, а я не буду.

– Почему?

Голос при этом грубый, грудной и даже слегка сиплый.

– Потому что хочу. Хочу за тебя замуж.

Глава 12

Кира

– Горе ты мое, – причитает мама спустя три часа примерки в салоне свадебных платьев. – Вот чем тебе то кремовое платье не понравилось?

– Оно не молодежное.

Сегодня я не в настроении. С утра меня ни с того ни с сего снова начало тошнить, а к десяти у нас уже была назначена примерка. Отказываться никак нельзя, так как свадьба уже через неделю. Понятия не имею, почему так быстро. Отец просто поставил нас с матерью перед фактом и добавил, что это не он так решил, а жених. Я-то ожидала, что никакой свадьбы не будет, а Кирилл назначил ее быстрее, чем я могла предположить. Хотя... несколько недель он, конечно, потянул. А затем резко решил с датой.

Что вообще можно успеть за неделю, если мы три часа подряд платье выбрать не можем? Мне ничего не нравится. Платья, конечно, красивые, но какие-то скучные, что ли. Однообразные, слишком пышные или узкие, длинные или короткие. Почти в каждом я нахожу, к чему придраться.

– Даже не знаю, что вам предложить, – растерянно гово-

рит Ирина – владелица салона и по совместительству мамина подруга.

– Может, в другой салон? – решаю предложить я.

– Кира! – возмущается мама. – Придумала тоже... Этот – лучший. Почти все наши девочки здесь свои свадебные наряды покупали. Одной тебе ничего не нравится. Давай еще раз то, кремовое. Оно лучше всех было.

– Не хочу, – отвечаю с нажимом. – Мне оно не нравится.

– Кира! Нам еще туфли нужны, платье, пробная прическа. Ты представляешь, сколько дел? А организация? Хотя... кого я спрашиваю! Об этом ты вообще не думаешь!

Не думаю, тут мама права. Но это не потому, что я безответственная, а потому, что пышной свадьбы никогда не хотела. Я бывала на всех этих торжествах, и они мне категорически не нравятся. Куча незнакомых гостей, снующих туда-сюда с фальшивыми улыбками, бесконечные тосты от тех, кого молодожены в глаза не видели. Хорошо, конечно, что без конкурсов, но свадьбы, на которых я бывала, напоминали мне прием у какого-нибудь политика: скучные, серые, однообразные.

– Я сказала, что мне здесь ничего не нравится, – говорю уже с нотками раздражения в голосе. – По второму кругу перемерять ничего не буду.

– Ирина Александровна, – обращается одна из работниц салона к маминной подруге. – Может, предложить им новую коллекцию? Она только что поступила. Полчаса назад бук-

вально.

– Не знаю даже. Там не поглажено еще ничего и не подготовлено. Не думаю, что...

– Несите! – командую я. – Только уберите сразу пышные платья, я их не надену.

Маме моя идея явно не нравится, но спорить она не решается из-за моей вспыльчивости. Сама не знаю, что на меня нашло, ведь обычно я спокойная, особенно с ранимой и чувствительной мамой. Видимо, гормоны, о которых мне все твердили, таки сказываются.

– Выбрала пять вариантов, – говорит та самая девушка. – Думаю, они вам понравятся.

Разложив платья, она ретируется, оставляя меня один на один с мамой и Ириной. Я иду на примерку. Возлагаю надежды на эти пять вариантов. Заниматься примеркой мне надоело, да и спина почему-то адски болит. Врач предупреждала, но я думала, это только на последних месяцах, когда живот уже будет большим.

Первое платье снимаю сразу же. В нем я выгляжу, как бабка на очередной распродаже. Мне не идет. Ирина приносит другое, затем третье. Четвертое меряю уже без энтузиазма. Первые три были настолько невзрачными, что я даже из примерочной не вышла. Хвастаться нечем.

Когда же вижу в зеркале свое отражение, понимаю, что это оно. То самое платье. Даже не застегнутое оно сидит как влитое. Обтягивает грудь и талию, да и ниже прямое, без из-

лишней вычурности.

– Ну, что там? – не выдерживает мама и дергает шторку.

– Я выбрала, – сообщаю. – Застегни.

На платье мама смотрит подозрительно, но застегивает. Отходит и наблюдает со стороны. Я же кручусь вокруг своей оси у зеркала и понимаю, что точно выбрала. Красивый, расшитый цветами лиф, выгодно подчеркивающий мою, ставшую на размер больше, грудь, прозрачный сатин, ниспадающий вниз поверх прямой юбки. И, конечно же, открытые плечи. Я влюбляюсь в платье едва ли не с первого взгляда.

– Ты уверена? – хмурится мама. – Оно... простенькое.

– Уверена! – выдаю сразу же.

Мысленно я уже и прическу подобрала, и макияж. Хочу выглядеть стильно, но при этом максимально целомудренно, а это платье подходит как нельзя лучше. Образ невинной девы сразу же возникает в мыслях. В нашу первую ночь с Кириллом я была невинной, а он стал моим первым мужчиной. Хочу, чтобы он понял, что это не изменилось. Он остался единственным.

– Ладно, – нехотя соглашается мама. – Берем.

Из свадебного салона мы вываливаемся спустя еще час. Туфли взяли у них же, в салон забежали, выбрали прическу, макияж, маникюр и даже педикюр. Полный комплект, так сказать. Оставались украшения, но мы катастрофически не успевали в ювелирный магазин, где обычно покупали драгоценности. В другой мама идти не захотела, и было реше-

но отложить поход до завтра. Время терпит. Все-таки мама права, больше времени займет организация, тем более, что я сразу отказалась от участия в выборе скатертей, украшений, бокалов и тортов. Все, что мне нужно на празднике – сам Кирилл. Даже гостей я бы соизволила не приглашать, но думаю, что тогда Багров вообще не явился бы на свадьбу.

– Завтра решим с украшениями, – говорит мама. – Ты точно решила, что не хочешь выбрать торт? Я тут нашла несколько вариантов...

– Нет! – обрываю ее, пока она не начала мне показывать. – Мне неинтересно.

– Да что ж с тобой?! – спрашивает на повышенных тонах. – Тебе совсем плевать, если свадьба будет неидеальной?

– Я бы предпочла оставить ее в тайне от нескольких сотен неизвестных мне людей. Так что да – мне без разницы. Для меня она будет идеальной.

О том, что у меня измерение идеальности состоит в наличии Багрова рядом, я умалчиваю. Мама до сих пор думает, что это он совратил меня, а разубедить ее в обратном я не могу. Мама личность творческая, в облаках часто витает, так что для нее я – тихий и спокойный ребенок. И поверить в то, что я уже выросла и могу принимать взвешенные решения, ей трудно.

– Можно мне за руль? – спрашиваю у мамы.

– Давай, – соглашается. – Я сегодня так устала.

К маминой машине я, конечно, не привыкла. Свой вне-

дорожник мне нравится куда больше, но сейчас хочется отвлечься от мыслей о предстоящей свадьбе и сосредоточиться на чем-то другом. Ничего лучше дороги я придумать не могу, поэтому и предлагаю сесть за руль.

Мама размещается сзади и почти сразу утыкается в телефон, а спустя пару минут вообще засыпает. На дорогах пробки, поэтому не получается сосредоточиться. Мыслями то и дело возвращаюсь к предстоящему торжеству.

Представляю себе, каким оно будет. Как все произойдет? Будет ли у нас церемония? С каким настроением приедет Багров? Станет ли он меня целовать, когда все будут скандировать «Горько!»? Впрочем, какое «Горько!», господи, у нас такая публика, что там слово лишнее бояться сказать будут, а уж про кричать вообще молчу.

Вопросов у меня куда больше, чем ответов. И все же я думаю. Всегда мечтала о свадьбе. Настоящей, с белым платьем и кучей фотографий, с шампанским и обязательно в кругу родных и близких. На деле же... совсем не знаю, как все произойдет. От этого, конечно, страшно, но ведь потом... мы станем мужем и женой.

Невольно примеряю на себя его фамилию. Кира Багрова. Кирилл и Кира Багровы. Красиво, стильно, громко.

За мыслями даже не замечаю, как приезжаем домой. Мама просыпается, растерянно смотрит по сторонам. Сонная и растрепанная, выходит из автомобиля и говорит, что у нее разболелась голова и она отдохнет. Я киваю и иду следом. В

гостиной меня задерживает Елизавета. Совсем, как в день, когда отец узнал о беременности, говорит, что папа ждет меня в кабинете. Идти не хочется, но я поднимаюсь. Между нами вроде как все конфликты уже разрешены, правда, мы так и не поговорили о моей связи с Багровым, а уже месяц прошел.

– Ты звал? – спрашиваю, предварительно постучав в дверь и просунув голову в кабинет.

– Да, входи.

Сегодня папа в хорошем расположении духа, не злится и даже указывает мне на кресло напротив своего стола, куда я тут же усаживаюсь.

– Вот.

Отец протягивает мне большую квадратную бархатную коробочку. В такой обычно дарят драгоценности, и я тут же тяну руки. Мы так и не успели ничего купить, но вдруг из того, что дарит папа, что-то подойдет к моему образу? Открываю коробочку и едва не ахаю. В ней определенно несколько миллионов, и я не уверена, что национальной валюты. Браслет, серьги и кольцо с круглыми и каплевидными камнями. По блеску понимаю, что это бриллианты. На солнце подносить не нужно – и так переливаются, манят посмотреть. Ничего дельного я выговорить не могу, охаю только и тут же пальцами пробегаюсь по камням. Холодные и безумно красивые. А главное, идеально дополняют мой образ.

– Это Дмитрий привез сегодня, – внезапно говорит отец. –

Водитель Багрова. Сказал, подарок для тебя.

Я перевожу взгляд с украшений на отца и обратно. Про-
ворачиваю это несколько раз. В голове не укладывается, что
эти украшения – не подарок отца на свадьбу. Их прислал Ки-
рилл. Стильные, явно выбранные со вкусом. Неужели... я
что-то значу для него?

Ответить на этот вопрос сама себе не могу, потому что
ничего не понимаю. Папа при этом смотрит на меня внима-
тельно, а затем спрашивает серьезно:

– Что у вас с Багровым, дочка? Давно вы вот так...

– Мы несколько раз встречались, – говорю. – Потом я уле-
тела на Мальдивы, а он... жениться собирался.

– Фикция! – бросает отец. – Если бы я знал, что он тебя...

– Папа! – перебиваю. – Он понятия не имел, кто я такая.
Не узнал. Я... я сама к нему подошла. Потом у нас закрути-
лось. Ничего серьезного... ну, так должно было быть. Полу-
чилось иначе.

– Как он к тебе относится? – спрашивает.

Вижу, что ему важно знать, а я не могу ему сказать правду,
потому что и сама ее не знаю, поэтому вру. Сочиняю то, чего
бы хотела.

– Любит, папа. Мы просто... не поговорили тогда, обиде-
лись друг на друга. Если бы не ты, папочка... я бы ему и не
сказала.

Папа вздыхает, хмурится. Понятия не имею, верит мне
или нет. По глазам не могу определить его настроение. Даль-

ше говорю уже правду – о своей любви к Кириллу. О том, что давно в него влюблена и просто не могла устоять. Папа слушает молча, затем кивает и произносит:

– Расстроила ты меня, дочка. Не пара он тебе совсем. Взрослый. Ты должна была замуж за ровесника выйти или за мужчину на пару лет старше. А он – не пара. И у нас с ним в бизнесе не все гладко, Кира.

– Что с бизнесом?

– Ничего нерешаемого, но ситуация неприятная. Не хочу, чтобы он через тебя на меня давил.

– Не будет, папочка, обещаю! Только расскажи, что случилось, в чем проблема?

Папа хмурится, словно решает, стоит ли мне рассказывать, но все же пересиливает тебя. К концу разговора еще раз просит, чтобы я не шла на поводу у Кирилла и не пыталась повлиять на ситуацию в компании.

– Как я могу, папа? – отмахиваюсь.

– Можешь, Кира, можешь... ты не забыла, что имеешь равную со мной долю?

Только сейчас я вспоминаю, что несколько лет назад папа переписал на меня часть акций, и все это время я периодически подписывала документы, правда, почти ничего из них не читала. Доверяла папе и сейчас доверяю.

– Забыла, – признаюсь. – Но я обещаю, что не буду принимать решений одна. Компания твоя, я ведь... не понимаю ничего.

– Хорошо, дочка, – говорит папа напоследок и отпускает меня.

Я забираю бархатную коробочку и выхожу из кабинета отца, чтобы забежать к себе в комнату, достать украшения и представлять, что их выбирал для меня именно Кирилл.

Глава 13

Кирилл

– Ну, ты где? – спрашивает Глеб по телефону. – Мы с Сашкой и остальными, как идиоты, сидим тебя ждем.

– Подъезжаю, – отвечаю и тут же отключаюсь.

Я и правда почти добрался. Заезжаю на парковку и сразу же вижу занятые машинами друзей места. Обычно здесь не так многолюдно. Сезон отдыха наступил, многие поразъехались.

О том, почему друзья вместе с братьями явились ко мне, я примерно представляю. Утром я им всем сообщил дату свадьбы. И если братья хоть немного были в курсе о предстоящей женитьбе, то друзья до сегодняшнего утра о ней даже не подозревали. Была бы моя воля, Саша с Глебом тоже узнали бы утром, но им еще неделю назад отец сообщил, собрав нас всех за общим столом. Тогда у них возможности не было меня расспрашивать, а сейчас вот... собрались.

Саша позвонил мне буквально час назад и сказал, что они с братом и другими ждут меня на квартире. Освободился я не сразу, поэтому, когда захожу в квартиру, слышу веселый смех и стойкий запах алкоголя.

Нервирует.

– Наконец-то! – первым меня замечает Глеб. – Мы заждались.

– По звону стаканов слышу – не скучали!

– Нашли твой коллекционный алкоголь, между прочим, – подмигивает.

– Я так и понял.

Настроения сидеть в тусовке сейчас нет, но я все же иду на кухню и здороваюсь со всеми. Тут и Тар, и Богдан, и Саша с Глебом. Все в сборе. Правда, Глеб сок потягивает, да и остальные тоже. Богдан только алкоголь мой достал и сосет из стакана.

– И чего приперлись? – спрашиваю.

На самом деле – догадываюсь. Предвкушаю разговор о предстоящей свадьбе с раздражением, правда, все же пытаюсь относиться адекватно. Им интересно, это я никак не могу смириться с тем, что меня вынуждают. Решение связать свою жизнь с женщиной я должен был принять сам, без вмешательства отца и угроз забрать у меня компанию, в которую я вложил половину своей жизни. Про ребенка, который у меня будет, я вообще молчу. Предполагалось, что это тоже будет планово – тогда, когда я этого захочу. А теперь выходит, что меня просто поставили в известность.

– Да вот... – мнется Тар, что совершенно на него не похоже. – Мальчишник у тебя завтра, пригласить решили.

– Мальчишник? – переспрашиваю.

– Ага... послезавтра свадьба, вообще-то... ты планируешь оттянуться напоследок?

Видимо, на фоне постоянной занятости на работе у меня конкретный такой недотрах, потому что первое, что я представляю, когда думаю об «оттянуться» – секс. В красочных картинках мелькает изображение Киры, стоящей передо мной с оттопыренной задницей. Я даже стакан беру пустой и протягиваю Богдану с просьбой налить.

– Давай всем тогда, – командует Глеб. – Только немножко, нам с Сашей еще за руль.

– И мне, – сообщает Тар. – Вести вусмерть пьяное тело Богдана.

– Но-но! – встревает Бодя. – Не собираюсь я.

После пары глотков алкоголя становится легче. Образы оголенной Киры прекращают меня мучить, правда, член в штанах все еще напряжен.

– А знаете что! – встревает Богдан. – Я хочу знать, как так вышло, что мы узнаем о свадьбе Кирилла за два дня до дня икс? Это как?

За столом повисает пауза. От меня, очевидно, ждут ответа, который я совсем не хочу давать. Я тянул до последнего. Оттягивал момент признания как мог, поэтому и сообщил так поздно. Можно было вообще в день свадьбы, но тогда была бы вероятность, что у кого-то из них не получится присутствовать.

– Вот так, – развожу руки в стороны.

– Это же она, да? – интересуется Тар. – Кира?

– Она.

– А я, как ее увидел, сразу подумал, что у нее получится.

– Охренеть! – встревает Саша. – То есть получается, они все знали?

– Знали что? – не понимает Тар.

– О Кире. Мы не так давно узнали, а вы, получается, ее еще и видели?!

– Видели. Помните, я звал вас с Глебом в загородный домик? Вот Кир с ней тогда приехал.

– Пиздец, мы пропустили, – влезает Глеб. – Я бы не отказался нашего брата с Арбатовой увидеть.

– Я бы вообще Арбатову не отказался увидеть, – это уже Саша. – Помнится, последний раз, когда мы встречались, ей лет четырнадцать было?

– Ты-то да... – смеется Глеб. – Мы с ней пересекались пару лет назад. Она уже тогда красавицей была. Я еще подумал, вот повезет тому, кто ее соблазнит. Знал бы я, что это будет Багров...

Теперь Глеб уже не смеется – ржет как конь.

– Да еще и старший, – хохочет.

– Я не знал, что она Арбатова, – говорю тихо, но уверенно. Пора признаваться, потому что их насмешки порядком поднадоели.

– Как это? – начинают сыпаться одинаковые вопросы.

– Она ко мне в клубе подсела. Сама. С дорогим телефо-

ном, но в обычных шмотках. И потом в ресторане я ее увидел, официанткой она работала. Кроме имени она мне ничего не сказала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.